

Евсений
МЕДВЕДЕВА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

О МОЙ БОСС!

Монстр ДЛЯ РАЗВЕДЕНКИ

Евсения Медведева
О мой Босс! Монстр
для разведенки
Серия «Горячие Боссы и
Служебные романы», книга 1

*<https://litres.ru/74103281>
SelfPub; 2026*

Аннотация

— Милена, это что за мужик в твоей кровати?

— Бывший муж, что втихаря подал на развод, а повестку курьером отправил, лишается права на допрос!

Я отвечала на автомате, а сама пялилась на полуголого Аполлона, каким-то образом оказавшегося в моей постели.

— Слышь, принцесса, пусть он убавит громкость ора, иначе я ему помогу, — по комнате разлился бархатный баритон, и незнакомец сверкнул холодным прищуром зелёных глаз.

Ой, мамочки Это не утро, а идеальный шторм. Слева незнакомец с телом стриптизёра, справа трусливый муженёк, а в центре я, в костюме Золушки и амнезией Русалочки.

А ещё оказалось, что этот циничный и жестокий незнакомец с явным комплексом Бога – мой новый БОСС! Монстр с девизом «плевал я на все эти ваши правила» оказался миллиардером, чьё

хобби – разносить чужие компании до основания и не верить в любовь.

И угораздило же мне стать его финдиректором!!

Что может пойти не так, когда твой личный кошмар – твой Босс?

Всё! Всё и пошло как сломанная сказка для взрослых

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	62
Глава 9	72
Глава 10	81
Глава 11	88
Глава 12	95
Глава 13	101
Г	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

О мой Босс! Монстр для разведенки

Глава 1

— Милена! Милена, это что такое? Кто в нашей кровати?

Гул, похожий на сумасшествие старых пароходов, разорвал мою голову на миллион осколков... Извилины не хотели просыпаться, тело не слушалось, а веки слиплись от бесконечных рыданий... Я даже ночью просыпалась от собственных всхлипываний, задыхалась, утопала в слезах, а потом снова отрубалась, пытаюсь забыть случившееся.

Но это не помогало...

Как по щелчку, перед глазами заскакали обрывки вчерашнего вечера... И платье в виде кринолинового облака, в нём я казалась себе принцессой, и толпу восторженных коллег, и гордого начальника, вручающего мне премию сотрудника года!

Я была счастлива... Кружилась, любовалась в зеркальных отражениях, рассматривая, как красиво переливаются золотистые туфельки, и пыталась дозвониться до мужа, чтобы разделить с ним этот момент.

Но в самый разгар корпоратива раздался телефонный звонок... Курьер с совершенно скучающим выражением лица

вручил мне повестку в суд. Истцом был мой любимый муж, ну а предметом слушанья — РАЗВОД...

Спустя пять лет я узнала, что настолько неважна для него как человек, как женщина, что он просто отправил уведомление о мероприятии в честь расторжения нашего брака! Сухо, цинично и подло...

— Милена! Да проснись же ты!!

Голос Степана был таким отчетливым, надрывным, полным какого-то вибрирующего хрипа, что мне на секунду показалось, что это реальность.

Я попыталась пошевелиться, но руки запутались. Дернула пальцами, ощущая скрипучий и колючий кринолин того идиотского платья, что навсегда станет напоминанием об ударе в спину. Я кое-как выпуталась из ловушки ткани и первым делом потёрла глаза, потому что из-за слез тушь превратилась в пластилин, плотно зафиксировав ресницы в толстые паучьи лапки.

— Ты вот так... Да? Я подал заявление на развод, а ты сходу решила мне отомстить с первым попавшимся жиголо? Милена! Мда-а-а-а... Не думал я, что ты так просто откажешься от нашей семьи! Милена, скажи ему, пусть хоть прикроется! — не унимался вой пароходных сирен, все отчетливее принимая форму голоса моего мужа...

Бывшего мужа!

Злость впрыснулась в кровь, вытесняя остатки похмелья, я оттолкнулась и перекатилась на спину, правда, правой ру-

кой тут же впечаталась во что-то тёплое...

Я с ужасом открывала глаза... По миллиметру. Пока не напоролась на совершенно незнакомого мне мужчину!

Вдох застрял в горле, превращаясь в колючего ёжика. Я хотела заорать, но силы окончательно покинули меня, правда, на помощь пришла лютая ярость, как только в поле моего размытого зрения попал красный от возмущения Степан...

Он скакал вокруг кровати, как чокнутый орангутан, размахивал руками, в которых держал свой ноутбук и мой большой шопер, откуда торчали его сорочки прямо на бархатных вешалках и пёстрые трусишки с пошлыми надписями, подаренные мной на той неделе.

Вот так живёшь... Трусы покупаешь, носочки гладишь и в аккуратные конвертики складываешь, а он тебе отправляет уведомление, не удосужившись сказать всё в глаза. Мог бы через госпортал уведомить, для чего курьера нанимать?

— Слышь, принцесса... на горошине, — слух резануло низким бархатным голосом, что своей мощью перекрыл писк Степана. И теперь я снова повернулась к незнакомцу, что бесстыже слюнявил мою шелковую наволочку, он крутил головой, устраиваясь поудобнее, а после снова закрыл глаза.

Я как замороженная осматривала этого наглеца... Тонкая простынь, бережно прикрывающая его огромное тело процентов на двадцать, в основном сосредоточилась на бёдрах. Его пугающе широкие плечи занимали большую часть кровати, он что-то захрипел и вновь попытался оторвать голову

от подушки, но бессильно уронил её, сморщившись от внезапного приступа мигрени.

Брюнет... Навскидку около сорока, такое фактурное выразительное лицо. Мимо таких мужиков нельзя пройти, они всегда выделяются на фоне серой массы. Знала я этот типаж... Аполлоны, сердцееды и опасные хищники, знающие себе цену. Но всё померкло, когда мы столкнулись взглядами...

Незнакомец вдруг тоже сумел настроить зрение и резко зарычал, растянувшись то ли в улыбке, то ли в хищном оскале. Ну точно – хищник!

Его большие зелёные глаза плавно фокусировались на мне, и это движение явно давалось ему с трудом. Он хрипел, еле шевелил пухлыми губами, а я сконцентрировалась на глубокой ямочке на его волевом подбородке.

Что происходит?

Я растерянно обернулась, пытаясь понять, как оказалась в чужой квартире, ведь абсолютно точно помню, что домой возвращалась одна.

Долго... Мучительно долго поднималась по лестнице на четвёртый этаж, потому что товарищ Сталин, задумывая строительство своих шикарных домов, пренебрёг лифтами во благо здорового образа жизни граждан. Помню, что останавливалась чуть ли ни на каждом пролёте, чтобы проплакаться и снова взять штурмом очередную ступень...

И в квартиру я вошла тоже одна. Закрылась на замок, ключи

чи повесила на крючок, платье снять не смогла, поэтому сразу поплелась в спальню, правда, у кровати обо что-то запнулась и рухнула, больше не сумев открыть глаза...

Я крутила головой, но не находила ни единого отличия. Мои зеленые обои с чайками, моя кровать с бархатным изголовьем, моё бельё из египетского хлопка, мои плотные портьеры, что сейчас застенчиво впускали в спальню тонкую полоску утреннего солнца. И этот луч чётко лупил в глаза незнакомца.

Я, видя его мучение, инстинктивно сжалась и чуть сдвинулась, чтобы не ослепить этого наглеца до того, как с ним разберусь...

Чёрт! Я подпрыгнула и начала себя ощупывать. Разрывала тонкие слои платья, пока не дошла до белья, и вот тогда спокойно выдохнула. Непоправимого не случилось, девичья честь на месте.

Итак, я одета, квартира в итоге моя, но кто тогда в моей кровати?

— Эй, принцесса на горошине, скажи этому блаженному, пусть «волюмэ» своего крика убавит! — мужчина снова напрыгся и накрыл меня потоком своего бархатного голоса, что возымел странный эффект...

Мне бы закричать и выгнать незнакомца, но этот голос словно убаюкивал и коварно нашёптывал: *«В первую очередь — предатель! Милена, сначала предатель, а этот пусть поспит, с ним мы разберёмся потом!»*.

Я машинально крутила обручальное кольцо, и вдруг этот жест стал мне противен... Рванула его, отбрасывая к окну, и снова сделала вдох.

Я растерянно опустила взгляд на белоснежный след от кольца, а после заметила до сих пор сжатый в ладони листок. Сероватая смятая бумажка, извещающая о конце моего долгого и, казалось, счастливого брака. Документ стал влажным, за время сна печать отпечаталась на ладони, и это показалось мне забавным. Она клеймом теперь синела на коже, напоминая, что всё это мне не приснилось.

— Милена, ты чего молчишь-то? И вообще, с какой радости ты напилась? Право, я не узнаю тебя! Прихожу обсудить наш развод, а ты тут с мужиком каким-то в постели лежишь! — не унимался Степан, на ходу сгребая с туалетного столика подаренные мной часы, открыл верхний ящик комода и начал выгребать галстуки, бряцать коробками с запонками...

Он до сих пор ощущал себя здесь хозяином, и лишь незнакомец заставлял его с опаской посматривать на его свисающую с кровати ручищу.

И вот тут я не выдержала! Моему терпению пришёл конец...

Я лежала слишком низко, а комната была слишком маленькой, поэтому я с легкостью махнула ногой, с чрезмерной силой захлопывая ящик, откуда Степан не успел убрать руки.

— А-а-а-а! Чёрт! Ты чокнулась, что ли? — заскулил он

и выпустил из рук добычу. — Больная? Что с тобой случилось?

Шопер рухнул на пол, рассыпались и запонки, а вот новенький ноутбук грохнул об изножье кровати и жалостно треснул.

— Ты тут какого чёрта? — зашипела я и дёрнулась вперёд...

На этот манёвр я отдала все силы! Но зато Степан застыл, растерянно дуя на свои прищемленные пальцы и с опаской поглядывая на незнакомца, что до сих пор лежал на животе.

— Это я тут как? Я? Ты жена моя, Милена. Неужели я не имею права здесь находиться? — снова заорал Степан, и мой напарник по кровати вдруг дернулся, перекатываясь на спину.

Он протяжно застонал, на миг сжал виски, а после резко вскинул голову, и мне показалось, что из его зеленеющих глаз рассыпаются искры... Он словно нарочно пугал Степана, или вовсе планировал спалить его к чертям собачьим. Но сейчас... Сейчас я была совсем не против этого недружественного акта.

— Что это? — я махнула повесткой, но оказалась слишком слаба, и бланк с мягким кружением опустился прямо на живот незнакомца...

Живот? Я сказала: живот? Нет... Это был не живот! Это эталонный образец маскулинного пресса. Такой четкий, фактурный, соблазнительно поблескивающий бархатной ко-

жей и темной дорожкой волосков, утекающих под простыни мимо дерзких косых мышц.

Кубики... Такие выпуклые, настоящие, как на фото в журналах. Боже, это фотошоп? Я мысленно ударила себя по рукам, пока не додумалась проверить их на ощупь.

— Принцесса, это повестка в суд, — мужчина подхватил бланк, расправил его, недовольно хмыкнув из-за небрежного отношения к документам государственного образца и начал вчитываться. — Степан Онегин... Ты, что ли, Онегин?

И вдруг по стенам заплясала ласковая вибрация его грудного смеха.

Я снова подняла глаза и сама чуть не рассмеялась, обнаружив, что на нём не было ни единого кусочка одежды, кроме чёрного шелкового галстука, одиноко болтающегося на шее изящной и явно дорогой удавкой.

Нет... Не жиголо. Точно не жиголо... Ну не могла я снять проститута даже ради отмщения! Я, конечно, была зла и раздавлена, но до подобного вряд ли опустилась бы.

Да я, получив повестку и не сумев дозвониться до мужа, так присела на просекко, что самостоятельно такси вызвать себе не смогла! Какой уж тут жиголо?

К тому же и денег у меня нет... Я, идиотина тупая, купила две путёвки, чтобы отдохнуть на море вместе с любимым мужем.

— Ага, Онегин, — я тряхнула головой и перекинула на плечи свои волосы, что сейчас больше походило на воронье

гнездо, чем на изящный каскад цвета молочного шоколада.

— А чё, принцесса, Онегина разве не Евгением звали? — не унимался незнакомец и продолжал хохотать, видя, как краснеет муж. Мужчина обращался ко мне, унижительно колко подчёркивая, что говорить со Степой не намерен. — Такие Онегины разве бывают? Он чё трясётся-то, как продрогший чихуахуа?

— А это неправильный Онегин! — захрипела я, схватила маленькую подушку и запулила в мужа с поразительной для похмельного состояния точностью. —

Это лживый Онегин!

— Так у классика, кажется, в этом и вся суть, — добавил мужчина и подтянулся на изголовье кровати, внимательно изучая взглядом Стёпу. — Ты что, подонок, жене повестку для развода прислал, а ротом сказать это не смог?

— Ртом... — Стёпа машинально его поправил, но зря...

Незнакомец перехватил с изголовья вторую подушку и тоже запулил её точно в цель, правда, сила его броска оказалась почти смертельной. Степу откинуло к стене, как куклу, он застонал, больно приложившись затылком.

— Это у нормальных людей ртом, а у тебя, придурок, ротом! Ну что, принцесса на горошине, вышвырнуть этого лже-Онегина вон из твоей квартиры? — незнакомец поиграл бровью и схватился за край простыни...

— Боже! — ахнула я, понимая, что там ничего нет... Вер-

нее, там нет нижнего белья, а вот то, что должно там быть, гордо возвышалось и по-утреннему дерзко пульсировало.

— Ты не имеешь права! Ты здесь никто... Вот и заткнись!
— Стёпа было снова метнулся к комоду, чтобы забрать свои ценные вещи, но незнакомец сильно устал от его присутствия и вскочил, правда, простынь всё же придержал.

Вот иногда живёшь годами и думаешь, что твой муж сильный и смелый мужчина. Сама строишь песочные замки, сама представляешь, как он тебя, принцессу, вытаскивает из лап дракона и, грациозно усаживая на белого коня, увозит в закат, сладко целуя...

А в реальности всё иначе. Я видела в его глазах страх. Он же правда дрожал, как нашкодивший котёнок, что нассал мимо лотка. Смотрел на меня умоляюще, словно только я могла спасти его сейчас.

А хотела ли я это делать?

Нет...

Сейчас я бы с удовольствием посмотрела, как этот поддон сгорает в драконьем пламени до жалкой горки пепла. А после метла, совок и бурление в унитазе.

— Подожди, — я как-то смело перешла на ты и попыталась встать. Но тут мои ноги начали путаться в кринолине цвета лазури, и я рассмеялась, понимая, почему незнакомец называет меня принцессой. — Значит, Стёпа, это развод?

— А ты считаешь, что после всего этого может быть другой исход? — проскрипел Степан, воровато поглядывая на

ящик комода, и только сейчас до меня дошло, что там лежат деньги «на черный день».

Ах ты жук навозный! Ещё и грабануть меня решил?

— Ну, так повестку-то я получила вчера!

— Милена, я пришёл сказать, что погорячился, хотел предложить несколько вариантов решения этой проблемы, — Стёпа дернул слабый узел галстука, нервно прошёлся пятернёй по волосам и отвёл взгляд.

Решение проблемы... Интеллигент хренов!

— Проблемы? Ты правда считаешь, что за спиной жены сбегать в ЗАГС, подать заявление на развод — это чистой воды недоразумение? — охнула я, понимая, что этот слабак жалок и безнадёжен. — Это ты так меня решил к стенке припереть, чтобы я квартиру продала?

И вот тут Стёпа поджал губы... Значит, я права. Шантаж, диктатура и выламывание рук — классика в войне, но я не думала, что эти методы используются и в семейной жизни.

— Уже можно? — незнакомец всё это время скучал, подпирая стенку гардеробной, а теперь он поднял свои зелёные глаза, и я увидела в них лёгкое осуждение...

Дожилась! Полуголый жиголо меня осуждает за излишнюю мягкость? Боже, что с миром-то происходит? Куда катимся, товарищи?

— Можно, — кивнула я, с безразличием наблюдая, как этот бугай тащит Степана за шкуру по коридору... Он нарочно держал руку низко, чтобы тот буквально волочился по

полу, как старая отслужившая добрую службу половая тряпка.

Вот и сказочке конец, а кто слушал папу, тот за придурка замуж не вышел...

Глава 2

И вдруг на глаза попался телевизор... Он почему-то валялся у моих ног, хотя ещё вчера висел на стене напротив кровати. Я подняла голову и завизжала!

Сила собственного крика заложила уши... Я в полнейшем ужасе смотрела на противоположную стену, не понимая, как всё это время не замечала «слона» в своей спальне.

Моя некогда ровненькая стена теперь напоминала брешь после ядерного взрыва. Собственно, это очень символично. У меня в груди сейчас зияла рана примерно того же радиуса...

Встряхнула головой, закрыла глаза, правда, это не помогло.

Нет, дыра была не сквозная, вокруг неё уныло покачивались лохмотья гипсокартона, обрывки обоев, а в темноте глубокой ниши виднелась белая дверь.

Дверь?

Я аккуратно оттолкнула кусок своей бывшей стены и всунула в портал голову, рассматривая неряшливо заштукатуренную кирпичную кладку, покрывшуюся толстым слоем пыли и густым покрывалом паутины. Рука дрожала, пока я тянулась к двери со старомодной фрезеровкой, полотно было покрыто сотней слоёв масляной краски, теперь превратившейся в кракелюр.

— Какого чёрта? — я снова отшатнулась, понимая, что ровно на этом месте, где висел мой телевизор, все это время пряталась дверь?

— Да не может этого быть! — захрипела я, толкая створку и попадая в Нарнию сталинской застройки...

По ту сторону меня встречала совершенно чужая и пугающе тёмная квартира. На фоне моего светлого современного интерьера тёмная обстановка превращала помещение в какой-то склеп.

Вдруг за спиной послышался залп мата, хлопок двери и тяжелые шаги по дубовому паркету.

— Вы кто? — я снова выскочила в спальню и уставилась на здоровяка в галстуке.

— А ты кто, принцесса? — он осмотрел сначала плазму, потом разодранную стену и дверь, очевидно, через которую вторгся в мою спальню. — Ты же не хочешь сказать, что это всё сделал я один?

— А кто? Я? Да я вешу как эта дверь! — я скинула одинокую туфлю, что до сих пор была надета на одну ногу, и смело вошла в смежную квартиру.

Мда... Комната больше походила на рабочий кабинет времён вдохновителя этого дома. Раритетная софа с высокой спинкой из красного дерева, помпезные стеллажи с книгами, на стене полки, заставленные грамотами, статуэтками, а ещё миллион черно-белых фотографий в старинных деревянных рамках. Сделав шаг, услышала приятный хруст сухого дере-

ва, опустила голову и застонала...

Я рухнула вниз, касаясь пальчиками почти девственной «ёлочки». Боже! Я перебрала миллион специалистов-реставраторов, боролась за этот толстый паркет, но в итоге сдалась, заменив его на современную, но жалкую пародию. А здесь он целёхонький. Да, разохся, и лак уже растрескался, и швы расползлись. Но он целый!

Это что, машина времени такая?

Тут даже пахло старой барахолкой или гулкой городской библиотекой. Полы скрипели, старинная форточка, скуля, покачивалась на старых петлях, стеллажи недовольно ворчали, сетуя на созданный мною шум... А тут всё привыкло к тишине и покою.

А самое смешное, что стена этой квартиры была нетронутой! В ней просто была дверь, в которую и вторгся этот бугай.

Я снова потрясла головой, пытаясь прогнать наваждение. Мне кажется? Мне это снится? Из соседней квартиры есть дверь в мою. Всё верно? Я снова вскинула голову, но картинка не изменилось... Это была чистая правда.

Я сделала пару шагов, напарываясь на небольшой чемодан и разбросанную мужскую обувь. От входной двери цепочкой тянулись вещи... И пиджак, и брюки, и, как знамя мужчин – трусы, повисшие на спинке стула.

— Я не поняла... Вы что, просто вошли в мою квартиру?

— А я помню? — присвистнул незнакомец, мотыляя моей простыней по пыльному полу. — Я тут в последний раз был

лет тридцать пять назад. Признаться, тогда мне казалось, что квартира намного больше, а ещё я точно помню, что за этой дверью была спальня.

— Ну, правильно! Там и есть спальня... Только это моя спальня! — заскулила я, снова возвращаясь в современный уют своей квартирки.

Ласково огладила истерзанные обои, которые так долго ждала из Италии, безрезультатно попыталась поднять телевизор, вырванный прямо с кронштейном.

— Ну, это мы ещё разберемся, чья это спальня, — вдруг нагло прицедил незнакомец и смело, будто к себе домой, вышел, снова осматривая масштаб катастрофы. — А вдруг это ты, принцесса, незаконно оттяпала комнату от моей квартиры?

— Вы что несете? Это моя спальня!

— Но дверь-то моя? — он прищурился и повернулся ко мне, игриво подёргивая грудными мышцами.

И вот тут хмель окончательно рассеялся... Я поняла, что, по сути, выбрала незнакомца, а не своего мужа. Да, трусливого, ненадежного, перепуганного и совершенно подлого, но, тем не менее, мужа! Вместо того чтобы вызвать полицию, осталась наедине с тем, кто ради забавы разносит чужие дома!

— Вы что, терминатор? Как вы стену-то пробили? Я ничего не понимаю!

— Да не помню я, — вздохнул мужчина и присел, подни-

мая разбитую плазму.

Он аккуратно перенёс телевизор на комод и обернулся, осматривая осколки гипса, а после рассмеялся и почесал затылок.

— Это что, правда твоя квартира?

— Ну да! А чья ещё-то?

— Если ты не против, я, пожалуй, проверю, — он, не дожидаясь ответа, двинул вглубь коридора и повторил обыск, что проводила и я пару мгновений назад. Правда, я была скромна в своих намереньях и дальше коридора не сунулась, а этот хам по-хозяйски толкал двери и громко хмыкал.

— Стоять! — взвизгнула я и понеслась следом. Вдруг в стопу вонзилась треклятая запонка, и я зашипела, скача на одной ноге. — Что за обыск? Мало того, что разломали стену, так ещё гуляете тут как у себя дома!

— А может, я и у себя дома... Что скажешь, похитительница квадратных метров? Признавайся!

Мужчина заглянул в ванную, в гостиную, даже на кухню зашёл, не забыв проверить и небольшой балкончик с колоннами и видом на центральный проспект.

Город уже давно проснулся и утонул в утренних пробках. Бугай замер, глубоко вдохнул и пугающе резко раскинул руки, разминая затёкшие мышцы.

— Чёрт, я сам ничего не понимаю...

— Так! Нам нужно выдохнуть и... И, как минимум, одеться! И хватит уже жулькать мою простынь! — шикнула я, на

миг забыв, что под ней у незнакомца ничегошеньки нет...

— Могу вернуть, — мужчина разжал пальцы, и ткань заструилась на пол, а я рывком отвернулась, молясь, чтобы он не видел моего румянца...

Нет, то не румянец был, это настоящий ожог стыда. Я припала лбом к холодной стене и зажмурилась, слыша, как незнакомец проходит мимо. На миг наши руки соприкоснулись, я сделала вдох, заполняя лёгкие сладостью терпкого мужского парфюма.

— Дмитрий Мостраков, — шепнул он и продолжил свой величавый голый ход по моей квартире.

— Монстраков? Значит, монстр? — глупо зашептала я, когда та самая дверь с грохотом захлопнулась.

Глава 3

Еле отдышавшись от шока, вернулась в спальню и аккуратно толкнула эту чертову дверь, но та слишком плотно сидела в косяке, то ли из-за толстого слоя краски, или потому что мой сосед заперся.

Я резво схватилась за комод и, отдавая остатки сил, начала толкать его, чтобы поставить между кроватью и дверью.

Так, створка открывается в мою сторону, а значит, поэтому он с такой лёгкостью пробил гипсокартон. Халк какой-то! Он, наверное, и руки ломает своим рукопожатием...

Спальня у меня была и правда маленькой. Жертвуя пространством в пользу просторной гардеробной, я оставила всего шесть квадратов, чтобы уместились кровать, туалетный столик и две тумбы с комодом. Большого в спальне мне и не нужно было, зато мне удалось избавиться от шкафов во всей квартире.

Я ещё раз подёргала комод, убедившись в прочности своей баррикады, и тихо рассмеялась тому, как он чётко заполнил пространство перед кроватью, а значит, эта дверь больше никогда не откроется!

Вдруг взгляд упал на идиотскую повестку, и опять меня одолел прилив ярости... Я бросилась сдирать платье, ткань трещала, но я её не замечала.

Сейчас от едкой боли меня спасали лишь хмель, головная

боль и шок от монстра по соседству, но стоит встать под контрастный душ, всё вернётся. Меня вновь затопит и слезами, и воспоминаниями, однако трусливо прятаться от реальности – прерогатива слабаков. А я не такая...

Заглянула в зеркало и чуть не заорала... В отражении я встретила не то что совсем не принцессу, на меня смотрела какая-то страшная бабка-ёжка. Под глазами черные круги от туши, помада застыла разводами на щеках, глаза красные, нос опух от яростных рыданий. Про волосы я вообще молчу... Они дыбились сумасшедшим начёсом из восьмидесятых.

— Больше ни единой слезинки, Милена! — я грозно взмахнула пальцем перед лицом своего отражения. — Слышишь? Поплачь сейчас, но после нельзя...

Встала под душ и начала всё с себя смывать. Растирала кожу грубой мочалкой, сдирая обиду, злость, стыд... Уничтожала запахи, воспоминания, след «бодрого утра».

И вдруг опять на ладонь посмотрела. Под напором кипятка некогда синяя печать стала расплываться уродливой кляксой, утекая в сток вместе с пятью годами счастливого брака.

Сейчас мне хотелось просто начать все с самого начала. И имела я в виду не утро, а всю свою жизнь, что дала крен в определенной точке.

Не выключала воду, пока не успокоилась. Сердце вновь стало биться, а не выламывать грудину, дыхание стало ровным, ушли и усталость, и головная боль. Высушила волосы,

заплела их в косу, закрыла круги под глазами весёленькими розовыми патчами и вышла в квартиру.

Прислушалась, но меня встречали лишь тишина и шорох кофемашины, включившейся по расписанию. Я проскользнула в гардеробную, надела спортивный костюм, с опаской поглядывая на свою баррикаду.

На всякий случай забрала всё самое ценное, включая документы, деньги и косметику, а после закрыла дверь на ключ. Гостей мне сейчас не хотелось видеть, особенно непрощенных.

Первым делом я решила позвонить отцу, и от предвкушения адреналин вновь лупанул по нервам.

— Пап, а кто делал в бабушкиной квартире ремонт? — сходу выпалила я, забыв поприветствовать любимого родителя.

— Доброе утро, дочь, — он явно опешил от утреннего допроса, в его голосе слышался укор, и мне стало стыдно. — Марат, вроде, я не помню. А что случилось?

— Пап, а что, из спальни была дверь в соседнюю квартиру?

— Была когда-то, — он растягивал звуки, явно пытаюсь понять, к чему я клоню. — Но мы её забили и зашили.

— А чего вы её не заложили-то, я не могу понять? — захныкала я, падая на диван. — Представляешь, там какой-то сосед объявился, а ночью то ли в потёмках, то ли в пьяном угаре открыл эту дверь! Этот монстр проломил стену!

— Какой сосед?

Я была в бешенстве, отец беспокоился не о стене и не о чести своей дочери, его почему-то сосед волновал!

— Мостраков, что ли? Димка?

— Монстр! Он настоящий монстр!

— Ничего себе, какого к нам дяденьку занесло, — приставил папа. — Милка, а ты что, его не помнишь?

— Кого?

— Как кого? Ну Диму Мостракова... Ты ему в любви признавалась и обещала выйти замуж, когда вырастете, — вдруг отец начал заливаться смехом. — Он с парнями мяч гонял, а ты во время прогулки в детском садике кричала, когда к нему девчонки подходили.

Смех отца лупил по вискам, где и без того было шумно, больно и гуляло эхо. Даже когда я напрягала извилины, то ничего из того, что рассказывал отец, не всплывало. Какой ещё Димка? Какой садик? Какая, к черту, женитьба?

— Пап, а что ты смеешься? Это, конечно, здорово, что стену пробил знакомый тебе мужик, но вообще-то мне было страшно! Нет у меня стены, телевизора и моих милых обоев... Ну где я сейчас такие найду?

О том, что этот придурок уснул в моей кровати, я почему-то решила умолчать. Сердце у отца слабое, да и в командировке он, а оттуда мне ничем не поможет, только изведется.

— Милка, Мостраков – владелец заводов и пароходов,

уверен, возместит он тебе и стену, и телевизор. А ты Стёпке-растрёпке своему скажи, — вдруг голос отца сменился. — Пусть он задницу поднимает и начинает делать ремонт, а то заселился на всё готовенькое. А наше время жить на территории жены было как-то не по-пацански...

И это было так странно... О потенциальном варваре и бандите он говорил, заливаясь смехом, а вот стоило зайти разговору о муже, так мы сразу ядом начал захлёбываться. Папа даже не скрывал презрения, он вечно высмеивал Стёпу за неумение делать домашние дела, а когда стал свидетелем, как тот забивает гвоздь не той стороной молотка, так и вовсе похоронил его как мужчину.

Отец ненавидел «белых воротничков». Он старой закалки, по его понятиям муж должен суметь мамонта забить, разделать, приготовить и избу сколотить.

— А нет больше Стёпы! — рявкнула я и снова скосила взгляд на повестку в суд. — Он мне приглашение в ЗАГС прислал... Разводится Степан. Можешь радоваться.

— Чего? — заорал отец, как не орал, когда я ему про разрушенную стену говорила. — Что он сделал?

— Вчера было вручение награды, и повестку мне доставили ровно после самого счастливого дня за последние два года, — я уже не говорила, а просто шептала, вытягивая уже улёгшиеся воспоминания. — А сегодня он заявился и решил забрать свои вещи. Компьютер приготовил, трусами сумку забил... Но я ничего ему не отдала! Пусть за каждую нитку

теперь со мной, пакость такая, грызётся! Я ему устрою веселую жизнь!

— Я сам ему устрою эту весёлую жизнь, — прохрипел отец, и в трубке повисло тяжелое молчание. — Милка, ты нос-то не вешай. Знаешь, как бабка говорила? Не ковыряй болячку – она сама отпадёт. Вот и Стёпка твой, короста засохшая, отпал. Так, сиди дома, я сейчас к тебе Марата отправлю, пусть и стену посмотрит, и замки поменяет. Нечего этому ушлёпку в квартиру ходить, как к себе домой. А я в город вернуть и за корнишон его подвешу, будет знать, как дочь мою единственную обижать!

— Спасибо, пап, — шепнула я, вдруг ощутив, что кроме отца свою дочку никто и защитить не может. Хотя нет... Есть ещё товарищ Монстр!

Но всё равно от путаных мыслей и тревоги слова папы меня избавили. Я правда немного выдохнула. Да, может, мнение папы и не модное, не современное... На его взгляд даже принц должен уметь починить карету. И дело не в мастерстве, а в силе, смелости и ответственности за свои поступки.

А Стёпа... А Стёпа как крыса сбегал в ЗАГС и у мамки под юбкой спрятался.

Боже... Ну что за хворь такая женская — слепота... Как только влюбляешься, перестаешь видеть глазами, слышать ушами, душой открываешься и просто любишь без оглядки.

А тебе потом повесточку в зубы и вольную дают, словно ты балластом на его шее всю жизнь провисела.

— Дочь, я очень тобой горжусь, — вдруг выдал отец то, что никогда вслух не произносил. — И шеф твой, если не дурак, примет твою сторону. Ну не по-мужски это — восточной разводиться.

— Пап, в бизнесе все иначе. Моему шефу глубоко фиолетово, кто меня обидел, не будет он увольнять инженера. Сам знаешь, у нас их ещё найти надо...

— Да какой он инженер? Такие домики, как он малюет, я и сам нарисовать могу после стопки мамкиной наливки. Ещё краше нарисую! Наф-Наф, блин... Сама говорила, что тебе все переделывать приходилось!

— Но шеф-то об этом не знает!

— Значит, и шефу твоему мы глаза раскроем. Ничего... Стёпка твой кровавыми слезами умыться будет. Это мурло же на тех выходных сидел в моём доме, он в глаза мне смотрел, умолял повлиять на твоё решение! Это ж надо так мать любить, что жену решил бросить, лишь бы в Москву не переезжать!

Я даже не знала об этом разговоре... Да, мы со Стёпой частенько спорили в последнее время. Сначала я хотела просто взять там квартиру в ипотеку, как денежное вложение, а потом подумала – а почему бы не попробовать себя в городе, где конкуренция кадров зашкаливает, и ты должен выжимать себя и свои возможности на максимум, дабы не быть растоптанным. А вот Стёпа... Стёпа был против.

Но это всё равно не повод сбегать, как крыса.

— Всё, дочь, ты у меня сильная, уверен, рыдать не будешь, и с пьяни глупостей не наделаешь...

Я едва сдержала смешок, вспомнив, в каком состоянии проснулась рядом с совершенно незнакомым и голым мужчиной. Но папе об этом знать не стоит... Даже если мне тридцать, то для него я все равно принцесса в гольфиках.

— Вернусь послезавтра, а ты пока дома побудь. Маратику наберу, он все сделает. Договорились?

— Люблю, папочка.

— И я тебя, дочь!

Я отбила вызов и заметила стопку непрочитанных сообщений от мужа. Они продолжали сыпаться, отчего телефон постоянно вибрировал.

Читать его оправдания я не хотела. Прав Монстр, Онегин он самый настоящий... Трусливый и лживый.

Собственно, я тоже не лучше. Вдруг ничего не случается, значит, я недосмотрела, не услышала и не поняла. За что и получила этот позорный удар в спину.

Отбросила телефон, чтобы не трепать себе нервы, и отправилась на кухню. Сварила кофе, обняла ледяными руками чашку и закрыла глаза, наслаждаясь тишиной.

Но идиллия продлилась недолго. По квартире пробежала мелодичная трель звонка...

Глава 4

В коридоре зазвучала трель дверного звонка, и я аккуратно подошла, ожидая увидеть Степана. Уже почти приготовилась, даже увесистую обувную ложку прихватила, представляя, как четко она расколется его тупую черепашку, если тот попробует перешагнуть порог моей квартиры.

Предатель! Трусливый, подлый предатель!

Но то ли глазок что-то закрывало, то ли опять лампочку выкрутили. Спрашивать было бессмысленно, тут дверь такая, что ничего не слышно.

Я накинула цепочку, а после толкнула дверь. Сунулась в образовавшуюся щель и тут же носом уткнулась в белоснежное облако, густо пахнущее сладостью цветов.

— Онегина Милена? Вы арестованы за кражу спальни из моей квартиры, — по лестничной клетке разлетелась бархатная вибрация. Встала на цыпочки, чтобы выглянуть поверх букета, и тут же утонула в ярко-зеленых поблескивающих глазах.

Мой новый знакомый и по совместительству сосед из таинственной Нарнии вальяжно подпирал косяк, нагло улыбался, зато был полностью одет. А это уже неплохо, с поправкой на буйное утро...

— Мостраков Дмитрий? — передразнила я его. — А чего так? Могли бы сразу в спальню войти в сопровождении

полиции.

— Когда я пьян, я буйный. Гы-гы-гы... А сейчас я тихий, — вдруг рассмеялся он, передразнивая известную реплику из старого советского фильма. — Поэтому стучусь к соседке, как подобает джентльмену. С цветами и завтраком... И даже трусы надел.

Дмитрий поднял вторую руку, размахивая стопкой коробок из ближайшего итальянского ресторана.

— Впустишь? Или сначала бельё проверишь?

— Нет уж, увольте, ничего я проверять не стану. Ну, входи, сосед, — я сделала шаг назад, пытаюсь скрыть урчание живота за шорохомтапочек.

— Для начала разреши осмотреть спальню? — он передал мне в руки и цветы, и ароматное, даже ещё горячее угощение.

— Зачем? Там ещё целые стены остались?

— Именно, — Дмитрий скинул обувь, и я не удержалась и заглянула на стельку, тихо чертыхнувшись, когда прочитала бренд.

Чёрт... В таких разве ходят? Обычно такие на полке пылятся до лучших времен, а после укладываются в гроб вместе с его расточительным хозяином.

Мостраков и правда первым делом двинул в спальню и принялся фотографировать мой ущерб. Он довольно громко расхохотался, увидев мою баррикаду, быстро обернулся, полоснув острым взглядом.

— Страшно, принцесса?

— А береженого Бог бережет. Вдруг ты алкоголик, и уже с утра тяпнул?

— Так-то ты тоже с похмелья, поэтому этот аргумент не принимается...

Мостраков кого-то набрал по видеосвязи, и теперь моя спальня гудела от хорового гогота двух мужчин. Они явно веселились, осматривая то, что осталось от моей стены, а сосед и вовсе будто гордился своей силищей богатырской.

Ценных вещей тут не было, а слушать это веселье мне совершенно не хотелось, поэтому я пошла на кухню.

Поставила цветы в самую большую вазу и даже залюбовалась этой красотой, внезапно ощутив укол зависти... Я пыталась вспомнить, когда Стёпа в последний раз вот просто так принёс хоть вшивый пучок гвоздичек. Но на ум ничего не приходило.

Воспользовавшись моментом, я снова взяла телефон, сбросила очередной вызов от мужа и набрала подругу.

— Ирка, — чуть ли не простонала я в трубку. — Скажи, что можно ещё вернуть деньги за путёвку?

Хмель уже окончательно отпустил меня, поэтому мозг наконец-то начал работать. И в этот момент жаба буквально сжала моё горло, напоминая, что я недавно отвалила кругленькую сумму на наш отпуск.

Помню, как хихикала Ирка, предлагая отель подешевле, но мне так хотелось порадовать нас неделей шикарного от-

дыха, что я спустила почти все свободные деньги!

— Милка, ты чего? Я ещё вчера все выкупила, — Ирка оторопела от вопроса в лоб и начала заикаться. — А что случилось-то?

— Стёпка прислал повестку на развод! — я перешла на шёпот и вышла на балкон, чтобы не делать свидетелем своего позора совершенно незнакомого мне мужчину.

— В смысле? Этот забитый гномик подал на развод? — Ира начала хохотать, отчего виски снова запульсировали болью. — Мил, а ты все верно поняла?

— Ира! Угомонись! Лучше поищи, кому толкнуть путёвки! Стёпка теперь Мальдивы только на открытках увидит, — меня разрывало от злости...

И в какой-то момент я уже не могла понять, чего во мне больше? Желания отомстить гаду, или это вопит мое разбитое сердце?

— Ладно, подруга, я что-нибудь придумаю. Вечером забегу...

Я отбила вызов, и в этот момент за спиной послышался тактичный кашель. Мостраков стоял в дверях и так нагло улыбался, что у меня поджилки затряслись.

— А почему вы такой довольный? Конечно, вам-то ремонт не нужно делать! Хотя нет, — я зачем-то подскочила к этому красавчику и начала тыкать пальцем в грудь. — Вы сделаете ремонт! Эту дверь нужно забетонировать, замуровать, иначе я спать спокойно не смогу.

— Воу-воу, полегче! Я думал, ты принцесса, а ты амазонка, — он расхохотался и сел в кресло, бесстыже осматриваясь по сторонам. — А у тебя тут миленько... Давно тут живёшь?

— Семь лет...

— Ладно, если ты сварешь мне кофе, я извинюсь за доставленные неудобства, — Мостраков хищно посмотрел на мою чашку, а после и на пакет, откуда тянулся соблазнительный аромат сырной пиццы.

Признаться, я тоже умирала с голоду, поэтому войну решила отложить на сытый желудок и принялась накрывать на стол. В пакете, и правда, был целый сет пицц на любой вкус. Пока я занималась угощением, бесцеремонный Мостраков поднялся и все взял в свои руки. Вернее, в его плен попала моя кофемашина. Он спокойно открыл шкаф, достал кружку и без вопросов принялся варить кофе.

— Ну всё, вот теперь – прости меня, пожалуйста, жена лже-Онегина! — простонал он, сделав первый глоток.

— Не напоминай мне! И вообще, прощения мало, сначала исправь разруху! И ещё мне нужны мои обои с ласточками.

— Ну, с ласточками, так с ласточками.

Дмитрий был расслаблен, не чувствовал ни смущения, ни скованности. Он смотрел прямо, не отводил взгляд. В какой-то момент мне даже показалось, что этот гад меня изучает. Так пристально, откровенно лапает глазами, что зачесалась ладонь...

— Это кабинет моего деда, — хохотнул Дмитрий и подхватил кусок пиццы. — И нам никогда, ни при каких обстоятельствах не позволялось переступить порог этой комнаты. Чёрт, да я даже не знал, что там есть дверь! Спьяна ввалился в первую попавшуюся комнату... Я помнил, что из гостиной есть смежная спальня, туда и шёл на автопилоте.

— Хреновый у вас автопилот. Прошивка старая, — злиться уже сил не было, оставалось лишь посмеиваться, ведь ситуация и правда была довольно забавная.

— Согласен... Вообще-то я не пью, просто... Короче, дерьмо случилось в тот вечер не только у тебя.

Я слушала с открытым ртом и пыталась вспомнить детство. У бабушки я была часто, вот только этой двери не помнила тоже. Правда, у той стены всю жизнь стоял огромный буфет, заставленный хрусталём. Неужели она спокойно жила, зная, что за ним дверь?

— Как это вообще возможно? — не унималась я. — Ну где это видано, чтобы квартиры были соединены дверями?

— Тебе с какого периода начать? — Дмитрий быстро поглощал пиццу, попутно отвечая на сообщения. — Квартиру выделяли тут ещё моему прадеду, он был казначеем, а после войны вдруг его и всю интеллигенцию этого дома решили поприжать, и хоромы превратились в одну большую коммуналку. Булгакова читала?

Мостраков вскинул голову, и я чуть не подавилась слюной. Смотрела на этого обаятельного незнакомца, что одним

взглядом мог и убить, и раздеть с каким-то тихим восторгом. Сама себя ругала за эту покорность... Но продолжала кивать, как сломанный болванчик.

А ещё я пыталась оживить хоть одно воспоминание из детства. Ну почему отец помнит и его, и мою клятву выйти за него замуж, а у меня белый шум?

— Смотрела...

— Бабушка рассказывала, что было почти так же. Просто пришли и поставили перед фактом, что советскому человеку нужно скромнее быть. Другие тоже хотят жить хорошо. Квартиру сначала превратили в огромную коммуналку, а потом и вовсе поделили на небольшие клетушки, ибо буржуев в нашей стране всех истребили, а мелким чиновникам комфорта тоже хотелось.

— А дверь, значит, осталась? — кивнула я, не понимая, как это вообще возможно.

— Ну, спросить нам больше не у кого, приходится лишь догадываться. Ладно, соседка, до вечера — он вдруг поднялся и направился к выходу, а я снова смотрела ему вслед с открытым ртом.

— Что значит до вечера? Вы что, каждый день теперь приходите будете? — я поспешила за ним следом, пытаюсь вообще понять, что он задумал.

— Милена, я пришёл принести тебе свои глубочайшие извинения, — Дмитрий быстро обулся и распахнул входную дверь. — Вечером доставят телевизор, и я попрошу обу-

мать вариант компенсации. Могу организовать ремонт, а могу просто оплатить.

— Что, вот так всё просто? — Я растерянно смотрела на новоиспечённого соседа.

Он так стремительно изменился в лице... Пропали и мягкость, и смешливость. Черты стали острыми, взгляд — пугающе пронизывающим, как февральский ветер, пробирающий насквозь. Даже его голос стал напоминать звонкий треск льда...

— Милена, я в городе проездом, мне совершенно некогда устраивать спор на ровном месте, — он затянул узел галстука, подмигнул напоследок и скрылся...

Глава 5

Меня выбило из колеи это появление Мостракова... Я почему-то притихла, сохраняя в голове спокойный рокот его голоса. Он убаюкивал, снимал адреналин, путал, затмевал воспоминания о муже.

Наверное, если бы не его эпичное появление в моей квартире, то наш разговор со Степаном был куда эмоциональнее, а так мне хотя бы удалось отвлечься. Боже, какой абсурд...

Как пообещал отец, через час ко мне примчался Марат. У отца была своя небольшая строительная фирма, а Маратик там был главный специалист.

— Ёшкин кот! — присвистнул мой спаситель, осматривая дыру, к которой я начала даже привыкать. — Это что за варвар разрушил моё творение?

— Марат, твоё творение из гипсокартона мог разрушить даже сквозняк. Позорище какое! Ещё строителем себя называешь... Ну почему вы не заложили проход-то?

— Отец жильцов не нашёл вроде, — он чесал затылок и делал фотографии, чтобы отправить папе. — Ну как можно убирать дверь в квартире без присутствия хозяев?

Мда... И Мостраков сказал, что он в отъезде. Вроде бы всё сходится.

— Да мы сами очумели, когда старую мебель начали выносить. Ниша просто была заклеена обоями... Я как сейчас

помню – ткнул локтем и порвал эту маскировку.

Это он очумел? Это я чуть не свихнулась, проснувшись в одной кровати с соседом!

— Так, тащи пылесос, сейчас мы заблокируем это, — Марат достал дрель, огромные шурупы и с азартом начал блокировать проход. — Никто больше тебя не потревожит... Зуб даю.

К вечеру я уже даже немного успокоилась, комод был возвращен на место, на него мы водрузили пальму, чтобы эта дверь не маячила перед глазами.

Стоило мне закрыть за Маратом дверь, как в квартиру снова позвонили. Я решила, что он что-то оставил, поэтому наивно распахнула дверь и тут же пожалела.

Степан буквально вбежал в квартиру и сел на пуфик, откуда я его, здорового детину, в жизни бы не подняла.

— Милена, нам нужно поговорить! — тяжело вздохнул он, растерянно осматриваясь. — Что это было?

— Стёп, ты что, больной? Ты головой приложилась на стройке, или что с тобой случилось-то? — я потеряла всякое терпение, смотрела на мужа, совершенно не находя в нем ничего, что любила раньше.

Мой отец сразу был против нашей женитьбы. Он всегда говорил, что выходить замуж нужно за равного... Нет, дело не в доходе или в регалиях. Папа говорил, что мы разные, как слон и моська, имея в виду какую-то силу духа. С равным ты в противостоянии вечном, но никто никого не по-

давляет... А на Стёпку отец сразу махнул рукой и за глаза называл задохликом, он будто заранее был уверен, что скоро ему капут...

А маме Степан нравился. Спокойный, размеренный, она вообще считает, что главное, чтобы муж не обижал, остальное — дело житейское. Но папа упёрся рогами, мы его даже на свадьбу чуть ли не силой притащили... А он, как заевшая пластинка, про силу духа твердил даже под торжественную речь в ЗАГСе.

И сейчас, смотря на Онегина, я, кажется, начинала понимать, о чем шла речь. Высокий, красивый, широкоплечий, а сидит и дергается, весь скукожился, смотрит, как кутёнок, не задерживая взгляд больше секунды.

— Милена! Я прихожу домой, а ты с мужиком в кровати!

— Нет, ты точно больной, — я достала телефон и махнула им. — Если ты сейчас же не уйдёшь, я вызываю полицию. Стёпа, ты меня знаешь, я это сделаю!

— Милена, ты что, мне изменяешь?

— Онегин, включи мозг! Ты же инженер, умный мужик! — я толкнула дверь спальни, откуда прекрасно виднелась припрятанная кадушкой дыра в стене. — Ты так быстро собирал свои вещички, что ничего не заметил?

— Так ты мне не изменяешь? — Стёпа аж воскликнул и рванул ко мне.

— Стоять! — я схватила обувную ложку и замахнулась ею. — Если ты сделаешь ещё хоть шаг, я тебя покалечу.

— Милена, ты что? — Стёпа замер, откровенно не ожидая такой реакции. У него даже глаз задёргался.

— Ты, Онегин, не муж мне больше. Повестку я получила, на слушанье приду с адвокатом, готовься к разделу всего, что моей душеньке в голову взбредет. Машина твоя куплена в браке? В браке... Я буду за каждый винтик сражаться, понял? — я шипела ядовитой гадюкой, а Стёпа медленно отходил к двери.

— Милена... Я же просто хотел показать, что может быть, если ты и дальше будешь упрямиться!

— Онегин, не позорься... И никому этого не рассказывай. Боже... Какой бред! Когда я заикнулась о том, что хочу купить квартиру в Москве, и что хочу попробовать себя в конкурентной борьбе столицы, у Онегиных случился настоящий шок. Его маман, бывшая служительница министерства финансов, быстро смекнула, что нужно действовать. Сыночка отпускать на чужбину ей очень не хотелось, но ещё она прекрасно знала мой характер. Если я что-то решила — все равно этого добьюсь!

Тогда Стёпа и пришёл ко мне с завиральной идеей купить дом. Этот мамкин гений даже заявку на ипотеку подал, по его плану мы должны были продать мою квартирку и зажить в шикарном коттедже всей дружной семейкой Онегиных. Да-да... По его задумке маман тоже должна была переехать, дабы усмирять буйство невестки.

И даже если бы я умотала, они бы не сильно и расстрои-

лись.

Нормальные мужики детьми жен привязывают, а этот решил, что я дура конченная и заблею от счастья, прощаясь с квартирой, что досталась мне от бабушки.

Я тогда посмеялась и отмахнулась... Но Онегины решили меня дожать? Припугнуть, показав, что я могу лишиться идеального мужа?

— Ты что, придурок, припугнуть меня решил? — рассмеялась я, просто ушам своим не веря. — Кто подсказал? Матушка?

Степа шумно сглотнул и остановил своё отхождение. И вдруг его взгляд затянулся каким-то сизым туманом. Он сделал шаг, потом второй... Я махнула рукой, но он вырвал ложку и скрутил меня в узел, покрывая шею поцелуями.

— Милена, ну прости меня! Прости! Я же люблю тебя! Ну что мне оставалось делать? Ты заладила про свою Москву... Что, тебе тут живётся плохо?

— Ты идиот, Онегин! Да дети в пятом классе родителям и то ловчее врут, страницы из дневников вырывают, оценки исправляют. А ты мамку-финансиста послушал? Да правильно её уволили! Аферистка она, пожелавшая откусить кусок от моей квартиры.

Мозг плавился. Я просто не верила, что мой муж, которого я правда считала умным человеком, решится на эту глупость уровня восьмого класса. Да мне даже подруге эту схему рассказать стыдно, а они всерьез решили, что я согла-

шусь?

Любовь любовью, но о своей заднице нужно беспокоиться в первую очередь. А что было бы потом? Раздел имущества и битва за доли? Семья идиотов!

— Отвали от меня! — я хватала все, что под руки попало, и швыряла в него.

В меня словно демон вселился. Злость и жуткое разочарование не просто в человеке, а в мужчине, меня затопили по самую макушку. Смотрела на этого тьюфяка и поверить не могла, что когда-то видела его совсем другим.

— Ничего ты от меня не получишь! Ни единой копейки, а вот твою машину я заберу! — я орала и лупила его, пытаюсь вытолкать из спальни, но Стёпа упирался, смотрел на меня, как зашуганный котёнок, очевидно, надеясь, что я побушую и перестану, а после мы снова любить друг друга будем.

Но нет... Женщина мужику может простить многое. Да почти всё, кроме СЛАБОСТИ!

И вдруг за спиной раздался грохот... Да такой жуткий, что я завизжала. Обернулась, наблюдая, как кадушка с пальмой стремительно пикирует на пол, а комод опасно покачивается и укладывается плашмя. И в следующий миг из той самой двери выбежал МОНСТР...

— Слышь, утырок, а ну отпусти её! — Дмитрий с лёгкостью перескочил препятствия, схватил Стёпку за шкуру и вышвырнул из комнаты. Он гнал его по коридору до тех пор, пока они оба не вышли на лестничную площадку...

Я смотрела на расколотое кашпо, понимая, что к прошлой смете материального ущерба нужно добавить ещё и его... А ещё и своё разбитое сердце.

Глава 6

Да, я слышала какую-то суету за дверью, но спасти своего мужа не спешила...

Я где-то читала, что любовь зарождается медленно, зато рвётся резче, чем тетива лука. Вот и сейчас я будто пощёчину получила, после которой мозги на место встали. И все, что некогда было белым и счастливым, теперь оказалось серым и безликим.

И тут уже дело не в силе духа, о которой говорил отец, а в жизненных ориентирах. Что есть добро, а что зло? Как поступать можно, а как нельзя... А у Стёпки все в месиво какое-то превратилось. Он будто и сам не хотел, но повторял слова своей матери...

Нет, со свекровью у меня всегда были натянуто-учтивые отношения. Мы поздравляли друг друга с праздниками, собирались на нашей даче и даже девчонками ходили в баню. Я знала, кто такая Людмила Онегина, но никогда не переносила её рабочие и не самые завидные качества на семью. Но оказалось, зря...

А что мне было с ней делить? На её жильё я не претендовала, денег мне от них было не нужно, я всю жизнь работала, не надеясь на чью-либо помощь. Я и мужа себе выбирала по принципу, чтобы обузой на шее не висел. Единственное, чего я хотела – политики невмешательства. И Людмила охот-

но мне в этом подыгрывала до тех пор, пока не забрезжила опасность лишиться сына...

Из ступора меня вывела трель телефона, но я сбросила вызов, а после и вовсе его вырубилa, не желая окончательно портить настроение.

— И что это было? — рывкнул Мостраков, нагло входя в мою квартиру не через входную дверь, а прямо через нишу.

Он влетел, как разъярённый зверь. Мощная грудь колыхалась, то натягивая белоснежную сорочку на вдохе, то сдуваясь на протяжном выдохе. От уютной зелени в глазах не осталось и следа, в них появилась холодная серость трескучего льда. Даже его лицо изменилось: черты заострились, брови напряженно сомкнулись на переносице, а желваки отбивали такую чечетку, что голова закружилась...

Он был я ярости, но что именно так возмутило Монстра, я понять никак не могла.

А ещё я не могла понять, почему он опять вошёл через любимшуюся ему дверь, хотя Стёпку он вышвырнул на лестничную площадку.

— Ну как? Чёрт подери, как вы это делаете? Вы нарочно? Оправдываете свою фамилию, Монстраков? — охнула я и опустилась на кровать. — Забивать дверь не имеет никакого смысла, да? Вы чихнули неудачно, что ли? Точно... Монстр — он и в старой сталинке Монстр.

— А что, мне теперь слушать, как тебя убивают? — Дмитрий стянул галстук и устало осмотрел щербатый край двери

с торчащими саморезами, вырванными вместе с сухими кусками косяка. — Ладно, то, что он тебя не прикончит, я понял ещё на этапе знакомства, но твой ор изрядно потрепал мои нервы... А я этого терпеть не могу.

— Да кто меня убивал-то? Этот слабак? — фыркнула я и начала собирать рассыпанную по полу землю. — Многоуважаемый сосед, спасибо за вашу заботу, но я тоже терпеть не могу, когда моя спальня превращается в проходной двор. Мне что, теперь спать и вздрагивать, боясь обнаружить вас в своей кровати?

— Да я бы и не стал вламываться, если бы нормальную дверь открыла, а так пришлось искать пути обхода. Вообще-то я звонил! — Дмитрий тоже был не в восторге от случившегося, шипел и потирал плечо, которым, очевидно, он и вынес эту дверь. — Ты когда успела её заколотить-то?

— Буквально перед вашим визитом...

— Тогда соррян, — Мостраков поднял кашпо и звонко цыкнул, верно оценив, что за него тоже придётся заплатить.

— Я всё решила, меня устроит компенсация и доступ к вашей квартире, чтобы заложить эту нишу. Этим займётся мой отец. Он, кстати, вас искал, когда тут делали ремонт, и если бы вы оставили контакт хоть одной живой душе, то всего этого и вовсе бы не случилось!

— Хорошо, ключи оставляю в твоём почтовом ящике, — он даже спорить не стал, лишь протянул мне визитную карточку, где золотым тиснением было выбито его имя, фами-

лия и номер телефона. — Напиши сумму, куда перевести, и закроем уже этот вопрос.

— Хотелось бы... Ну и как теперь я буду спать? — толкнула покачивающуюся на одной петле дверь, и вдруг горло сжалось...

То, что вчера взрывалось слезами и завываниями, теперь превратилось в смех. Я начала хохотать, представляя, как буду рассказывать этот анекдот своим подругам. Но больше я смеялась над тем, что мой муж переплюнул этого незнакомца... Повестка в суд через курьера — сильнее уже ничего быть не может. Расходимся...

— С тобой всё хорошо? — Мостраков тоже усмехнулся, будто догадался, что именно привело меня в такое безумие.

— Признаться, я уже ни в чём не уверена, — я улыбалась и елозила собачкой молнии, стыдливо посматривая на соседа. — А вообще... Спасибо. Если бы не вы, я бы точно прибила этого придурка.

— Чёрт, знал бы, не стал бы рисковать своим плечом, — неожиданно Монстр тоже расхохотался, и по комнате заплясал уже знакомый бархатный баритон. Этот звук уютной глухой тканью окутал с ног до головы, и опять сердце перестало колотиться, и тревога начала отступать, и даже убить больше никого не хотелось.

Красивый мужик... Не понимаю, в какой момент мои мысли снова свернули не туда. Но сейчас я с тихим наслаждением рассматривала Мостракова в идеально скроенном

костюме. Каждый миллиметр дорогой ткани идеально облегал его крепкий торс. Мало мужчин, что умеют носить костюмы, они им попросту не идут, какой бы бренд на них не надевали. А Дмитрий весьма органичен в этом образе... Чёрт, а кто он такой? Я украдкой посмотрела на визитку, надеясь, что там будет хоть какой-то намёк, какими заводами и пароходами он заведует, но увы... Чёрный матовый глянец прямоугольника хранил тайну своего босса.

Вдруг в дверь забарабанили. Да так сильно, что мы одновременно бросились в прихожую. Стучали так же часто, как и насиловали кнопку звонка, трель то разливалась, то обрывалась, и начиналось сначала. Рывком распахнула дверь и чуть не рухнула...

На лестничной площадке стоял целый наряд полиции, а за их спинами подпрыгивала моя подруга Ирка.

— Милка, что случилось? Говорят, тебя удерживают в заложниках? — в её голосе звенел страх, отчего она лишь активнее пыталась раздвинуть полицейских, чтобы увидеть меня. — Да пропустите же меня!

— Чего? Вы кто? — Мне стало жаль подругу, поэтому я протянула руку, вытягивая её из толпы мужчин в форме. — Вернее, кто вы, я вижу, но что случилось?

Ирка сначала взвизгнула, увидев новоиспеченную дверь в спальне, после вскинула на меня удивленный взгляд, а заметив Дмитрия, вдруг начала суетливо причесываться и поправлять и без того короткую юбку, а после её стараний та и

вовсе превратилась в мини.

— Поступило заявление от вашего мужа, что в квартире находится злоумышленник, который насильно вас там удерживает, — капитан, не снимая обуви, вошёл в прихожую и двинулся на Мостракова. — Он?

Это вообще было похоже на театр абсурда... Мы всей дружной толпой обернулись к лестничной площадке, где за спинами полицейских прятался Степан. Он закивал головой и даже ткнул пальцем в соседа, подтверждая свой бред.

— Чёрт, твой Онегин совсем больной, что ли? — Дмитрий было дёрнулся, но я перекрыла проход и раскинула руки в стороны.

— Товарищ полицейский, оформляйте ложный вызов. Мой муж... Мой бывший муж подал на развод сам, а сегодня заявился и начал требовать деньги! — я сама не понимала, что несу, но одно я знала точно — если началась драка, то бить надо наотмашь, чтобы ни он, ни его мамаша не смели думать, что я буду терпеть их гнилое враньё!

— Какие деньги? — удивился капитан.

— А это вы у него спросите. Вот повестка в суд, вот истец, квартира моя, он здесь даже не прописан. Да вы посмотрите, товарищ полицейский, — я закатала рукава и начала трясти красными отметинами...

Признаться, эта способность моей кожи всегда меня бесила. Чуть что — сразу синяк! Вот Степка похватал меня, а наутро я проснусь, как алкашка после запоя. Но сейчас это

оказалось даже кстати.

Пока я отыгрывала роль, Ирка ахала и охала, то и дело зырякая на бледного Стёпу, а вот Мостраков улыбался, с интересом наблюдая, до чего я дойду в своих обвинениях. И под его взглядом я тараторила ещё быстрее... Мне почему-то так хотелось его впечатлить, поэтому я разошлась не на шутку.

— Так! Хватит! — вдруг рявкнул полицейский и, крутанувшись, вышел из квартиры. — Этого забираем в участок, пусть пишет объяснение там. И вы, кстати, тоже можете проехать с нами. Будете заявлять на мужа?

— Домашнее насилие в нашей стране декриминализованное, — жалостно вздохнула я. — Что ему будет? Штраф в пять тысяч? Нет, товарищ капитан, я лучше съезжу в травмпункт, сниму побои и... ПОДАМ НА НЕГО В СУД!

От этих слов Степан вздрогнул, теряя остатки мужских признаков... Боже, что с ним? Откуда эти робость, трусость, слабость? Он же инженер-конструктор, работал в авиации, теперь трудится в архитектурном бюро. Не последний человек, крепкий, сильный... Я же видела, за кого выходила!

«Нет, Мила, ни хрена ты не видела, когда выходила...»

— Всего доброго...

Полицейские, не скрывая своего смеха, вышли из квартиры, увлекая за собой и Степана. Тот даже пытался мне что-то сказать, но я захлопнула дверь, навсегда выкидывая его из своей жизни.

Смотрела под ноги и буквально физически ощущала по-

требность забыть всё это. Этот позор, предательство, свои слёзы... А может, это знак? Быть может, судьба так подталкивает меня не забывать о своей мечте и делать то, что я хочу?

А чего я хочу?

В Москву...

— Дамы, с вами, конечно, безумно весело, но мне пора, — расхохотался Мостраков и двинул напрямиком в мою спальню. — Ключи оставлю в почтовом ящике, стоимость пришлёте эсэмэской. И это... Милена, ты Онегина своего не жалея, таких придурков я ещё не встречал...

— Милка, а это кто? — зашептала Ира, постукивая меня по плечу. — И почему я никогда не видела этой двери?

Глава 7

Когда мой сосед ушел, да ещё и плотно запер за собой по-калеченную дверь, мы с Ирккой долго стояли в центре прихожей, изредка переглядываясь.

Подруга явно ждала подробностей, а я пыталась собрать все силы в кулак и не расплакаться от позора.

Боже, этот день когда-нибудь закончится?

— Идём! — вдруг скомандовала Ирка, утягивая меня в гардеробную. — Давай, Милка, собираем вещи твоего благоверного, и я на обратной дороге завезу их его матушке, благо она живёт в доме напротив. Подруга, ты не молчи... Хочешь, я его трусами выложу на асфальте слово «кончелыга»? Не нравится? Тогда придумай сама. Мил, я за тебя любому глотку перегрызу, — Ира злилась, а когда она это делала, то ее рычащие звуки превращались в рёв разъяренного льва. — А хочешь, я пробегусь по всем соседям и расскажу, что он Милку Машкову кинул?

Ира не просто срывала Стёпкину одежду, она делала это с таким удовольствием, попутно растягивая ткань до её жалобного треска. Все заботливо отглаженные футболки, спортивные костюмы и рубашки превращались в негодность ещё до того, как оседали на дне черных мусорных пакетов.

— Слушай, он реально больной. Жил как у Христа за пазухой! Устал в конструкторском бюро пахать – пожалуйста...

Мила ему должность выбивает, зарплату отличную выпрашивает. Хочет на морюшко? Добро пожаловать на красочный берег океана... Милка, это они нам мир должны к ногам бросать! Это они должны лбы расшибать, а не мы!

Я с какой-то апатией наблюдала за процессом сбора вещей, потому что уже было все равно. Наверное, Ира права, нужно поскорее избавиться от следов его присутствия, пока злость сильнее, чем бабья обида...

— Стоп, — вдруг монолог Иры затих, она даже замерла, но лишь на секунду, потому что в следующий миг Ирка обернулась к двери и начала нервно размахивать ногтем, указывая на соседскую дверь. — Это что... Это что, Мостраков? Чёрт, я только сейчас узнала это самодовольное лицо!

От резкой смены направления её мысли мне стало дурно. Ирка то улыбалась, то удивленно пучила глаза, но вот трясти пальцем не переставала.

— Милка, ты чего молчишь? Это был Димка Мостраков? — Иру бесило моё молчание, поэтому она отбросила вещи Степана и вышла из гардеробной, тихо подходя к хлипкой преграде между нашими квартирами.

— А ты его откуда знаешь?

— А он с моим братом в одном классе учился. Да и город у нас слишком маленький для его величества Мостракова. Кто ж их не знает? — Ира растерянно опустилась на кровать. — Ну точно, его бабушка, вообще-то, дружила с твоей. Ты что, не помнишь, как они вас с детства сватали?

— Ир, и ты туда же? — я вскочила и начала заканчивать то, от чего отвлекалась подруга. — Да не помню я его! Бабульку из соседней квартиры помню, шляпку носила забавную, а по праздникам надевала красную — с вуалькой и пёрышками.

— Точно, — хохотала подруга. — Соседки её интеллигенткой называли, бесила она их, когда даже за молоком при полном параде выходила.

— Ир, мне было лет пять! Ты чего ко мне прицепилась?

— Да так... — задумчиво протянула Ира, переводя взгляд с меня на дверь и обратно. — Может, расскажешь, что у вас тут за Санта Барбара разыгралась?

И мне пришлось рассказать всё с самого начала... И про корпоратив, и про своё награждение, и про курьера с повесткой в суд. Ну и на десерт – о горячем незнакомце, на фоне которого мой муж оказался полным тьюфом.

Пока я распалаясь в эмоциях, успела собрать три пакета вещей и сумку с его чертежами и прочим канцелярским хламом. Ноутбук, пусть он и разбит, я забросила под кровать, лишь бы ему не достался.

— Ты серьёзно? — охнула Ирка и затрясла мою руку, требуя посмотреть ей в глаза. — Он просто вышиб дверь и спас тебя?

— Я тебя умоляю, Ир... От кого спас-то? От Стёпки? Мой муж паука убить не может, а от укусов мошки у него случилась аллергия. Всё, идём отсюда, а то этот варвар там, навер-

ное, подслушивает, — я вытолкнула сначала шмотье мужа, после и подругу.

— Так я не поняла, дверь-то откуда взялась? — Ирка в последний раз обернулась на спальню, а после я выключила свет и заперла комнату от греха подальше.

— Чёрт его знает. Говорят, она была там всегда...

— Ну и что делать будешь? — Ира напрямик отправилась к холодильнику.

Моя подруга ела всегда... Нервничает – жор, счастлива – зажор. Это два типичных состояния Ирины, правда, тот факт, что она стабильно носит сорок второй размер одежды, наталкивает на мысль, что эта тощая и прожорливая дамочка – ведьма.

— Ты путёвки продала? — я поставила чайник и достала доску, чтобы нарезать для Ирины бутербродов. — Чёрт, я почти всю наличку спустила.

— Продам, Милка... — Ирина подошла ко мне со спины и обняла крепко-крепко, казалось, именно этого мне и не хватало с самого утра. — Милен, он придурок, и лучше об этом узнать сейчас, чем когда у вас появился бы ребёнок. Он просрал свой билет в будущее, теперь будет до старости у мамкиной юбки сидеть, пока она ему новую невесту не подберет.

— Я даже их лица видеть не могу. Боже, Ир, мне так стыдно! Отец, когда узнал – орал как ненормальный, мне даже страшно представить, что будет с мамой.

— А вообще, я тебе говорила, что Стёпка твой – ларчик с сюрпризами.

— Ир, ты дважды была замужем, получается, что ларчик с сюрпризами есть у каждого мужика...

— Да, но не каждый оказывается трусом, — подытожила подруга и села за стол, уплетая бутерброд за бутербродом.

— Да он трусом-то показался только на фоне Монстра!

— Кого?

— Мостракова... Если бы не этот чокнутый сосед с силой богатыря, я бы никогда не посмотрела на мужа в таком ракурсе. Ну, всё в жизни относительно, понимаешь? Ты живёшь правильно, ходишь на совещания и слушаешь грамотную и четкую речь мужа, гордишься ясностью его мыслей, его порядочностью, честностью и работоспособностью. Ир, я же сидела и любовалась им... Думала, что это я выхватила лотерейный билет!

Сердце вновь застучало, эта вибрация лупила по рёбрам, передавая импульсы по и без того напряженным нервам. Я даже вскочила, вышла на балкон, втягивая вечерний осенний воздух... Из рта вырвалось облачко пара, я закрыла глаза, делая глубокие вдохи, наслаждаясь прохладой, неспособной погасить внутренний пожар.

Я все пыталась поймать мысленное равновесие, спокойствие, ощутить опору, чтобы подняться и идти дальше, но ничего не получалось...

— А потом появляется такой, как Мостраков, и вся твоя

жизнь летит в тартарары. Нет, он, безусловно, красивый, да на его пресс только женской слюной и капать, но поразило меня не это, — я чувствовала, что ко мне подошла Ира, подруга снова обняла, накидывая на плечи тёплый плед, и мягко зарылась пальцами в волосы, монотонно массируя кожу. — Я просто увидела глаза Стёпы, он испугался его, сдался заочно... И меня к шлюхам приобщил. Он не заметил ни выломанную дверь, ни того, что я была полностью одета, он буквально вопил о моей измене!

— Ну, вот смотри, — откашлялась Ирка и начала суетливо оборачиваться, пока не нашла то, что искала. — Тебе нравится эта тачка?

Подруга указала на проезжую часть под моим балконом, там на светофоре одиноко стояла красивая красная бэха.

— Естественно... Ир, что ты спрашиваешь? — я было отмахнулась, но подругу ударила меня в плечо и заставила вновь посмотреть в указанном ею направлении.

— А эта тачка тебе нравится? — Ирина взмахнула рукой в стремительно приближающуюся точку ярко-синего цвета.

Сначала до слуха долетел мощный рык, скользящий по холодным стенам уже засыпающих домов. Этот звук был вызовом, он будоражил, пробирался к самому сердцу, согревал изнутри, навевая фантомные ощущения скорости.

И чем ближе была тачка, тем больше я открывала рот...

— И эта нравится, — кивнула, не понимая, куда она ведёт.

— А ты бы что выбрала? — шепнула она, в её голосе за-

искрили коварство и едва сдерживаемый смех.

И я всё поняла...

— Твой Стёпка – хорошая бэха, им можно гордиться, его можно любить, полировать, регулярно менять масло и уважать его мамашку-чеканашку. Но как только рядом появляется более сильный жеребчик, — мы как дуры свесились с балкона, наблюдая, как синее авто поравнялось с бэхой, а через мгновение, как только красный сигнал светофора сменился на зелёный, спорткар взвизгнул резиной по влажному асфальту и в один миг рванул прочь, снова превращаясь в синюю сверкающую точку, в то время как хорошая и надёжная бэха аккуратно тронулась с места, заочно проиграв в борьбе.

— Наша жизнь – соревнование, наш круг общения, рабочий коллектив – среда для конкуренции. Ты своего Стёпку давно на пьедестал поставила, даже не задумываясь, что он – простая «красная бэха», — подытожила Ира и вытолкнула меня с балкона. — А в жизни есть и другие тачки... Они красивее, быстрее и более конкурентоспособны.

— Ты так говоришь, словно я искала себе получше!

— Зачем искать? — вдруг рассмеялась Ирка и отвела взгляд, хотя мне хватило и доли секунды, чтобы узнать этот коварный блеск. — Он сам тебя нашёл. Таких, как он, и двери, и гвозди не останавливают... Милка, ты бы дверь не спешила заделывать.

— Да ну тебя! Ирка, у меня семья разрушилась, а ты сте-

бешься...

— В настоящей семье не присылают повестки курьером. Милка, ты же умная баба, да у тебя в подчинении воротилы нашего города! Да о местном даровании слухи ходят, все же только и мечтают прикормить тебя и оставить в постоянном штате! Милка, рядом со Стёпой ты и сама превращаешься в хорошую, надежную бэху!

А вот это уже было обидно...

Но Ирка права во всём... Так уж вышло, что я на фрилансе и правда одновременно вела две фирмы в качестве финансового директора. Сферы разные, не конкурентные, поэтому мои руководители были не против. А для меня это было своего рода вызовом.

Смогу или струшу? Но я не струсила и смогла...

— А Мостраков был прав, — задумчиво протянула Ирка. — Если ты сейчас пожалеешь или себя, или твоего Онегина, то очень скоро станешь той самой «бэхой». Если не возьмешь себя в руки и не сделаешь что-нибудь отчаянно-прекрасное, то заочно проиграешь...

Что-что, а проигрывать я не умела... И Ирка, сама того не подозревая, лишь укрепила мою крамольную мысль.

Глава 8

Мне казалось, что я не усну, зная, что за хлипкой преградой находится незнакомец. Но нет... Я вырубилась почти сразу, как только ушла Иринка, прихватив с собой все вещи моего муженька.

И распахнув следующим утром глаза, я поняла, что выспалась... Ни разу не просыпалась ночью, не ходила пить, не проверяла телефон, я просто спала!

Вскочила с кровати и начала свой день, как привыкла. Пятнадцать минут на беговой дорожке, сменяя убийственный темп на медленную ходьбу и обратно, после контрастный душ, быстрые сборы, кофе в термос, и вот я уже несусь к своей «ласточке».

Смотря на свою красную японку, я вспомнила слова подруги про бэху... А ведь она права. Легко выигрывать в соревновании без конкурентов. Стёпка именно так себя и ощущал... Я просто возвела его на пьедестал восхищения, а дальше ему и напрягаться не пришлось.

Но и я от него не отличалась... В нашем городе мне даже посоревноваться было не с кем. Моими основными клиентами были два завода — металлургический и косметический, попутно я помогала архитектурному бюро, в котором и работал мой муж, да ещё парочке разовых клиентов. И вот соль ситуации в том, что у меня, по сути, тоже не было кон-

курентов. Два мамонта крупного бизнеса уже были под моим контролем... А там, где заканчивается конкуренция, там прекращается и рост. А вот этого я не хотела.

Завела машину и вытащила повестку в суд... Что-то тут было неладное, а чтобы это выяснить, придётся сдаваться маме.

Мама моя всю жизнь проработала в администрации города, она бессменный секретарь. Меняются мэры, министры и прочие чиновники, но вот моя мама как была главной по связям с общественностью, так и оставалась, несмотря на пенсионный возраст.

Звонить ей не стала, сразу помчалась в центр, правда, по пути забежала в кофейню, купила её любимый миндальный торт. Я наивно полагала, что отец не станет расстраивать маму, но как бы ни так...

Стоило мне переступить порог её отдела, как я оказалась под прицелом её внимательного взгляда. Мама без слов распахнула двери своего кабинета, а когда мы остались наедине, тут же оказалась в крепких материнских объятиях.

— Дочь...

— Мам...

Не знаю, что за волшебство осваивают наши мамы, но порой одного взгляда хватает, чтобы сорвать оболочку и достать изнутри всю боль, вываливая её в заботливые родительские руки.

— Да пошёл он! — вспыхнула мама, а после сдернула со

стола папку. — И чтобы я ни единой слезинки не видела! Гадость, пакость, мерзость! И мамашка его такая же...

— Что это?

— А это пугающее доказательство дурасти моей единственной дочери, — мама толкнула меня в кресло, а сама присела на край стола. — Ты тётю Катю помнишь, она в ЗАГСе работает...

— Я, собственно, поэтому и приехала. Понять не могу, если он подал на развод, то почему дата слушанья завтра? — я начала рассматривать документы, правда, суть их поняла не сразу, а мама напряженно молчала, ожидая, когда же включится мой мозг.

— В смысле, заявление подано через госпортал? — охнула я и судорожно начала рыться в сумке, пока не нашла свой телефон.

Не с первого раза вспомнила пароль, зашла в раздел заявлений и ахнула... Месяц назад с моего телефона было подтверждено намеренье развестись.

Сучоныш... Боже, какой же он сучоныш!

— Ну, хоть пошлину сам оплатил, — дернула плечами мама.

— Ага! С моей карты! — взвыла я и начала собираться. — Мне пора, надо бежать...

Я неслась по центральной улице, сокращая путь по дворам. Машина здесь была лишней, я дольше простою на перекрёстках. Не замечая каблучков, непригодной для бега юб-

ки, я неслась напрямиком в адвокатскую контору, которую не единожды выручала. Но был в этом решении и один минус... Там работала двоюродная сестра Степана, а значит, действовать нужно быстро и аккуратно.

— Семёнов! — я влетела в кабинет, проигнорировав писк секретаря. Шлёпнула о стол повесткой, собранными мамой распечатками заявлений, квитанцией об уплате госпошлины и осела в кресло...

За спиной что-то брякнуло, я обернулась на полупрозрачную стенку, делящую кабинет на две части. Во второй был зал совещаний, и через мутное стекло виднелась тёмная фигура, медленно расхаживающая вдоль стены.

— Онегина, ты вечно как тайфун. У меня вообще-то клиент! — вздохнул Женька Семёнов, лучший друг моего брата и один из самых успешных адвокатов нашего региона.

Он с опаской озирался на переговорную, а после махнул рукой и взял документы, внимательно вчитываясь в суть.

— Оп-па... Что, все-таки решила отправить в отставку своего Стёпку?

Женька приосанился, поправил узел галстука и широко улыбнулся, как модель с рекламы счастливой семейной жизни.

Боже, вспомнила бабка, как девкой была... Ты, Женёк, своё счастье упустил ещё на втором курсе, а по второму кругу я не брожу. Жизнь слишком коротка.

Но говорить это вслух я не стала, улыбнулась, прикусы-

вая язык на всякий пожарный. Пусть и безответно, но все же влюбленный адвокат может горы свернуть, дабы показать свою силу.

— Жень, у нас мало времени... Я никаких заявлений не писала, на развод не подавала, Степа все сделал сам, взял мой телефон и подтвердил заявку. Слушанье завтра... Нам нужно подать иск на раздел имущества. Никакого мирового соглашения, я хочу напиться его кровью, — злость во мне бурлила с такой силой, что даже глаз дергался. — Ты понимаешь, что это какая-то афера? Он куда-то втянул меня, а я ни черта не знаю...

— Что делить будем? — закивал Женька, решив, что нет времени задавать вопросы.

— А всё будем делить... Его машину, гараж, а ещё я на днях купила дорогую путёвку, пусть половину стоимости вернёт! — я стукнула кулаком по столу. — Семёнов, принеси мне его яйца...

— Боже, Амазонка Львовна, угомонись... — при упоминании святого святых всего мужского, Женька шумно сглотнул слюну и снова с опаской посмотрел на зал совещаний. — Понял я всё, разматываем твоего придурка по полной, только не кричи, у меня клиент за дверью. Но ты помнишь, что у него маман тоже вроде как не последний человек в городе?

— А мне всё равно... Пусть гонит половину за моральный ущерб! Он мне психологическую травму нанёс.

— Мы не будем оспаривать развод? — удивился Женька.

— Ты что, дурной совсем? Он обманом подал заявление о разводе... Стёпа месяц молчал, жрал мою еду, спал в моей кровати, танцевал на юбилее моего отца, а ты хочешь, чтобы я его пощадила? Нет!

— Милена, лично я ничего не хочу... Я просто взываю к благоразумию! — Женя в очередной раз шумно сглотнул... И вдруг я поняла, что он боится!

С лица сошёл румянец, даже губы посинели, правда, он пытался скрыть эту реакцию за бумажками, которые впопыхах схватил вверх тормашками.

И опять эта уже хорошо знакомая волна разочарования накатила. В этом городе есть хоть один мужчина, способный на поступки? Ну хоть один... Кроме Монстра, что своей мощью стены разносит, гвозди выдирает и бывших мужей щелчком из квартиры вышвыривает?

— Жень, составь иск в суд, а дальше я сама.

— В каком смысле сама? — Семенов побледнел и начал озираться по сторонам, словно боялся, что наш разговор могут услышать.

— Ты боишься старухи Онегиной? Так бойся дальше... Тоже мне адвокат! Составь иск, доверенность у тебя есть, если не успеешь до конца дня, я и твои тестикулы поджарю на гриле, — вскочила, забрала документы и вылетела из конторы, навсегда вычеркивая этот адрес из своей жизни.

Боже, сколько трусости прячется за мужской бравадой! Они же с первого взгляда все рыцари на белых конях, толь-

ко потом ты надеваешь очки, и оказывается, что то не кони, а миленькие пони, да и доспехи их – элемент маскарада, и сделаны из фольги любящими мамками.

Я вдруг ощутила гудящую усталость в ногах... Заметила напротив ресторанчик с еще функционирующей верандой. Выбрала самый дальний столик, скинула новые неудобные туфли, чуть задрала ноги и, пока ждала свой кофе, решила включить не эмоции, а мозг...

Итак. Что мы имеем? Быстрый развод, состряпанный втайне. Заявление Степана, что все еще можно исправить, если я откажусь от идеи переезжать в столицу... Что может быть общего в этом дерьме?

Пока пила кофе, изучила все документы, потом просмотрела страницу госпортала, на случай если этот гад ещё что-то накатал от моего имени, и попутно поставила самозапрет на выдачу кредитов. От греха подальше...

Я понимала, что эта гнилая семейка придумала какой-то гениальный план, но я никак не могла понять, какой именно. И сейчас, если честно, когда запал стал затухать, поняла, что проще мне не ввязываться в раздел имущества, а просто уехать и забыть обо всём. Но что-то мне подсказывало, что если я не разберусь в этом до отъезда, то потом об этом сильно пожалею.

Расплатилась за кофе и медленно пошла по аллее, щурясь от яркого осеннего солнца. Осень в этом году стала настоящим подарком, своего рода откупом за отвратительное лето.

Сухо, тепло, солнечно... Что может быть лучше?

Я поддевала острым носком туфли жёлтую листву, упивалась тишиной, спокойствием, и даже не хотела отвечать на телефонный звонок. Но увидев номер моего банка, мгновенно приняла вызов.

— Милена Львовна, добрый день, это Лариса, ваш персональный менеджер, — затянул уже знакомый и наигранно веселый голос моего банковского менеджера. — Я звоню вам по просьбе кредитного отдела... Вы поставили запрет на выдачу кредитов, а запрет снимается в течение трёх рабочих дней...

— И что? — я даже улыбнулась, пытаюсь понять, куда клонит неуёмная Лариса, что из месяца в месяц то пыталась втянуть меня в брокерскую гонку, то предлагала повышенный процент по вкладу, лишь бы я не ушла к их конкурентам.

— Но как же? Сегодня у вас сделка, поэтому...

— Какая сделка? — меня прошибло током от макушки до пяток... Я присела на ближайшую скамейку, ощущая, как по спине скатилась жгучая капля пота.

— Милена Львовна, — вдруг Лариса запнулась, не понимая, то ли я старуха амнезийная, то ли просто душой прикидываюсь. — Ну как же? Ваш супруг сегодня заключает сделку по покупке дома в кредит, а вы являетесь поручителем...

Сука... Шестерёнки в моей голове заскрипели, логические цепочки выстроились. Это что ж... Кредит будет взят в браке, а я ещё и поручитель? И вдруг я вспомнила один

день из жизни моего мужа. У него из машины украли все документы, и мы тогда в банке проторчали пару часов, пока он заполнял какие-то бумажки и ждал выдачи новых карт. Да что говорить... Я и сама подписывала что-то. Когда это было? Чёрт подери, когда это было?

Боже, Милка, да ты не красная бэха, за тупой запорожец!

— Лариса, мой супруг – шизофреник. У него есть справка... С каких пор ваш банк выдает кредиты больным людям? Никаким поручителем я не буду, а если вы оформите этот кредит, я уверяю, что ни копейки вам не заплачу. И передайте кредитному отделу, что мой супруг месяц назад подал на развод, и завтра у нас слушанье...

— Милена Львовна, вы не могли бы подъехать в банк? —

Лариса явно офигела от моего заявления и уже не тараторила, а говорила медленно, явно с кем-то советуясь. — Мы с вами во всем разберемся...

— Я как раз рядом, — крутанулась, понимая, что до центрального офиса рукой подать, но тут же сникла... Мой паспорт остался в машине, а без него со мной точно говорить не будут. — Через час буду.

Я припустилась по аллее, совершенно растеряв желание любоваться природой, и, наплевав на гордость, снова набрала Женьке Семёнову.

— Да, — протянул он виновато, уже осознав, что был неправ.

— Стёпа решил кинуть меня... Он сделал меня поручи-

телем в сделке по покупке того особняка, помнишь я тебе рассказывала? У меня встреча в банке через час, буду признательна, если ты подъедешь, — стоило признать, что кроме Женьки в этом городе оперативно и превентивно решить проблему никто не сможет.

— Милка, я правда не хотел тебя обидеть. Не думай, что я забыл, как ты меня выручала... Я всё сделаю. Мы твоего Стёпу, если захочешь, до уголовки по статье мошенничества доведём.

— Ты не говори, Семёнов, ты докажи... А то в этом городе будто вымерли мужчины, способные действовать, а не трепать языками...

Я отбила вызов, отправила Жене адрес банка и побежала к машине, но буквально в паре метров от парковки меня внезапно окрикнули... Я обернулась, утопая в полупрозрачной серости хитрых глаз своей свекрови.

— Динара Степановна, — протянула я...

Глава 9

— Милена, добрый день, — свекровь стояла посреди дороги, скрестив на груди руки.

Лицо серое, безэмоциональное, она даже не пыталась улыбнуться, чтобы хоть немного обмануть меня, нет... Она всем видом демонстрировала свои намеренья защитить сыночку от такой суки, как я.

Боже, Степашка он, а не Степан. Точно!

— Добрый, Динара Степановна, простите, но мне некогда с вами беседовать, — я попыталась обойти её, но свекровь схватила меня за локоть, удерживая рядом, как непослушную собачонку.

Вот ничем они не отличаются... Нарушить дистанцию, плевать на мои планы, мою свободу – все такая мелочь по сравнению с их идеей облапошить меня.

Сначала я злилась, но сейчас рациональная часть меня заглушила бабью истеричность и декларировала горькую, но неоспоримую правду. Я для них – единственный шанс купить этот злосчастный дом...

После скандального увольнения с должности ей даже в микрозаймах откажут, городская администрация такие гайки закрутила, что уверенная в себе свекровь не смогла и за год подыскать достойное своей королевской особы место работы. Сути конфликта я не знала, мама вообще сразу заяви-

да, что нам в это дерьмо лезть не стоит, но слухи расплозились стремительнее, чем бы Динаре Степановне того хотелось.

Ну а Степан... Да, у него была неплохая зарплата, на неё бы даже дали ипотеку под неплохую квартиру, но не для покупки шикарного особняка, которым грезила свекровь последние три года.

Она обрабатывала меня на каждой семейной посиделке, присылала фотографии, даже однажды ночью пробралась в пустующий дом и сняла видео! Но я не воспринимала её идею фикс всерьёз, расценивала как забавный пунтик, не более.

Но вот имей они меня в созаёмщиках, банк непременно бы одобрил кабалу на старый особняк бог знает какого года постройки. Чёрт! Это фамилия так влияет? Или они правда дворян из себя решили состряпать?

Я даже понимаю, в какой момент она всё это придумала... Свекровь душила меня на очередном выходном, забалтывала, рассказывая, как же хорошо жить в своём доме, описывала мой гипотетический кабинет с видом на яблоневый сад. Она применила все свои таланты, чтобы уговорить ввязаться в эту аферу...

Но к тому моменту я уже так устала от этого жужжания, что категорически отказалась, сообщив, что лучше вложусь в столичную недвижимость, чем в дореволюционное строение в аварийном состоянии.

Было видно, как она затаила обиду, которая вылилась в тихую ненависть, когда я озвучила идею переезда. Динара Степановна поняла, что в шаге от разбитого корыта... Я могла и сама уехать, и Стёпку забрать. Вот тут-то она и решила действовать... Так сказать, с паршивой овцы хоть шерсти клок...

— Милена, что это было? — закричала свекровь, лишая надежды на спокойный диалог. — Ты почему своей чокнутой подруге разрешила устроить позорную театральную постановку? Она разбросала вещи Степана по всему двору! Бабки уже с утра шепчутся, а мужики и вовсе смеются над твоим мужем...

— А что здесь позорного? — я попыталась сделать шаг в сторону, но эта дамочка вцепилась в меня, как голодный бульдог.

Я чуть выгнулась, зрительно найдя в ряде припаркованных автомобилей мою ласточку, а после начала думать, как бы слинять, не изуродовав эту хитрую каргу.

— Милена, я думала, что ты из интеллигентной семьи, поэтому дала разрешение на ваш брак...

— Динара Степановна, ау! — я щелкнула пальцами, привлекая внимание чокнутой. — Степе не двадцать, ему сорок в этом году, он не маленький мальчик, за него не нужно заступаться, давать согласие на свадьбу или переезд в другой город, отцепите вы его от своей юбки, дайте мальчику жить нормально! Впрочем, это уже не мои проблемы... Ваш сын

поступил подло, за что был наказан!

— То есть ты поощряешь выходку своей, прости Господи, подруги?

— Подруга защищала моё достоинство, а мой, прости Господи, муж, — передразнила я её, продолжая трясти рукой в попытке вырваться, — опозорил меня перед коллегами. Признайтесь, милая свекровь, это была ваша задумка — передать повестку в суд через курьера? Для чего спектакль? Ударить морально, чтобы я растерялась?

— Милена, тебе нужно к врачу... — Динара Степановна отвела взгляд, не выдержав напора. — Какие-то заговоры тебе всё мерещатся... Ты зачем позоришься? К адвокату побежала...

И тут мне всё стало понятно, свекровь уже всё знает. Пока я сидела в ресторане и пила кофе, она опередила меня!

Чёрт!

Я дернула руку, но она продолжала сжимать мой локоть, сдавливая кость так, словно хотела раздробить её.

— Хватит полоскать имя моего сына! — взвизгнула она, и вдруг толпа прохожих шарахнулась от нас, как от чумных.

— А вы прекратите из меня дуру делать. Боже, что за гнилая семейка? Слава Богу, что мы завтра забудем о существовании друг друга. Жаль только пяти потраченных лет...

— Гнилая? Это не Стёпушка проснулся с проשמандовкой в кровати, это ты, Милена, развлекалась всю ночь с прости-туттом, чтобы унять пустоту от потери мужа... Конечно! Стё-

па у меня идеальный! Тебе такого в жизни не найти больше!

Я на миг зависла... Рассматривала эту красивую статную дамочку, на лице которой сейчас выступили все морщины этого мира. Кожа стала серой, безжизненной, глаза пустые, злые, как у кровожадного пса, которого всю жизнь обижали люди, и теперь он ненавидит любого!

— А хоть бы и так, — я расхохоталась и чуть нависла над этой стервой в шляпке. — Трахалась я с незнакомцем, да с таким наслаждением, Динара Степановна... М-м-м-м-м... Это была самая жаркая ночь в моей жизни!

— Позорная, грязная девка! — прошипела она, почему-то оттягивая меня вглубь переулка. Если до этого её не смущало, что на нас оборачиваются, теперь вдруг она решила покинуть центральный проспект?

Я упёрлась каблуками в кромку газона и обернулась, с ужасом обнаружив, что мою машину поднимают на эвакуатор!

— Стерва! — заорала я так громко, как только могла. Све-кровь испугалась и на миг расслабила пальцы, чем я и воспользовалась.

Я рванула прямо через газон, плюя на нормы приличия.

— Стоять! — кричала я сотрудникам ГАИ, но те, заметив моё появление, быстро прыгнули в машину. Однако я успела запомнить и номер экипажа, и заметить уж очень знакомую морду одного из них.

Чёрт...

Полицейская машина стартанула и скрылась в плотном потоке городского движения, остался лишь эвакуатор, до которого оставалась ещё пара метров.

Я на бегу обернулась, и довольное лицо свекрови отпечаталось на сетчатке глаз отвратительным гадким выражением лица. Она продолжала стоять, даже довольно посмеивалась... Гадюка!

— На каком основании вы эвакуируете мою машину? — я повисла на двери эвакуатора, а невысокий мужичок начал торопливо заводить двигатель.

— Это ты, девка, с полицией разбирайся. Мне сказано — увезти, я увожу. Откуда мне знать, что ты натворила? — он даже не смотрел на меня, стыдливо отворачиваясь. — Может, ты преступница и угонщица?

Я чуть не поперхнулась от этой наглости. Это что за день-то такой? Каждый так и норовит оскорбить.

— Дяденька, а можно мне паспорт забрать?

— Нельзя, девка...

Ну, вы сами напросились!

Меня просто душила злость, перегретый мозг вырубился, остались лишь животные инстинкты. А вот они мне орали, чтобы я не сдавалась.

А я и не сдамся, потому что попросту этого не умею.

В школе мне приспичило заниматься карате, а девчонок в секцию не брали. Так я измором взяла администрацию! В пару к мальчишкам меня не ставили, поэтому самому трене-

ру пришлось стать моим постоянным напарником, пока они не сжалились и не взяли несколько девочек.

Я никогда не сдаюсь... Характер не тот. И зря Стёпа этого не понял раньше. Вижу цель, не вижу препятствий – это всё, что нужно знать о моей натуре.

Именно поэтому, отцепившись от пассажирской двери эвакуатора, я тут же влетела на подножку кузова, схватилась за транспортировочный трос и начала продвигаться к водительской двери моей «ласточки».

Шпильки утопали в металлической сетке платформы, вредный старикашка то ли не видел, что я запрыгнула, то ли покорно выполнял указание, но тормозить не торопился. В какой-то момент я шла просто по жёрдочке, в зубах держала сумку, из кармана вытягивала брелок сигнализации, оставалось только занырнуть в салон и забрать папку с документами. И я это сделаю!

Я быстро стала объектом всеобщего восторга. Пролетающие мимо водители считали себя обязанными либо посигналить, либо выкрикнуть, что я дура чокнутая. Но мне было всё равно, если я не появлюсь в банке через час, то этот узел затянется на моей шее на долгие-долгие годы. Самой себе не прощу, что позволила себя облапошить. Да кто мне, лопухнувшемуся финдиру, своё предприятие теперь доверит?

Не знаю, то ли с перепугу, то ли на адреналине, мне все же удалось влезть в салон, я схватила рабочий портфель, где лежали все мои документы. Теперь оставалось только при-

думать, как теперь отсюда слезть?

— Эй, принцесса цирка! — раздался знакомый крик. Я обернулась, но от неожиданности руки заскользили по глянцеовой бочине моей машины, я даже опасно покачнулась. — Держись, Онегина!

Я повернула голову и глазам своим не поверила... Рядом со мной ехала синяя спортивная тачка, крыша которой дрогнула и начала складываться гармошкой, открывая шикарный салон и... самодовольную морду моего соседа.

— Монстр!

— Так, чокнутая, давай без лишних движений! Держись, я сейчас!

Дмитрий газанул и стал поджимать эвакуатор, что-то махал водителю, вот только мой извозчик не торопился сбрасывать скорость. Я чуть вытянулась, понимая, что и ближайший светофор ещё нескоро, а пальцы мои уже немеют и теряют силу.

Мне было неудобно стоять на жердочке, в зубах сумка, под мышкой папка... Я опасно шаталась, пыталась сохранить равновесие, цеплялась за ручку двери и почему-то надеялась только на Монстра. Если уж он стену вынес, то с эвакуатора меня точно снимет.

— Бросай сумку, принцесса, — орал он, опасно близко прижимаясь к борту. — Давай-давай!

Деваться было некуда... Если водитель в сговоре, значит, помогать не станет. Но хотя бы он не играет в мамкиного

гонщика. Однако, несмотря на то что мы плелись как черепахи, мне было все равно страшно.

Я сбросила вещи, сняла туфли, по очереди закинув их в салон кабриолета, а после развернулась, утопая в чарующей зелени этих глаз.

Мостраков смотрел на меня, как на Богиню! Столько восхищения было в этом взгляде, столько какого-то щенячьего восторга... Ещё эта улыбка его гаденькая. Но сейчас она меня не злила, а наоборот... Я чувствовала силу!

— Он сейчас начнёт тормозить, а ты прыгай! — Дмитрий тоже начал сбрасывать скорость, снова прижался к эвакуатору, а когда тот и правда начал притормаживать, я отпустила пальцы и прыгнула прямо в руки Монстра.

Он каким-то образом умудрился поймать меня, и вот я уже на коленях, на пассажирском сиденье, уткнулась лицом в его шею и тяжело дышу, как загнанная лошадь.

— Вот они, бабоньки русские, да? — усмехнулся Дима, похлопывая меня по спине. — И в горячую избу, и эвакуатор на ходу оседлает...

— Обычный вторник, — выдохнула я и откинулась на спинку кресла, пытаюсь унять эту странную дрожь.

Глава 10

Я подпрыгнула и начала размахивать кулаком, когда мы поравнялись с эвакуатором. Достала телефон, чтобы заснять и морду этого наглого и бездушного водителя, и номер его грузовика. Сейчас я готова была спалить каждого, кто встанет у меня на пути. Особенно свекровь!

Я обернулась, и тут бальзам по сердцу растёкся... Она до сих пор стояла на углу здания и ошарашенно смотрела нам вслед, правда, недолго. Чокнутая гарпия внезапно припустилась в сторону парковки, а значит, мы ещё сегодня увидимся...

— Ну и что это было? — Мостраков хохотал, как ненормальный... Весь взъерошенный, возбуждённый, под густой щетиной румянец расплылся. — Нет, то, что ты безбашенная, я понял сразу, но чтобы до такой степени!

То ли адреналин, распирающий меня изнутри, то ли глупость мною овладела, но я выпалила Мостракову и про тот злополучный особняк, и про кредит, что скоро будет оформлен в одном из банков.

— Адрес?

— Чего?

— Принцесса, не тупи, куда ехать-то? — вздохнул он и чуть притормозил, ожидая, когда же мой мозг снова заработает.

— Направо... Проспект Мира.

Я до сих пор не могла унять сердце. Всё сжималось, пульсировало, но причиной уже был не мой бывший муж. Нет... Всего один неверный шаг, и дверь доверия захлопнулась навсегда. Он уже никогда не отмотает время вспять, не получит ни крошки доброты, сожаления и снисхождения. Поздно...

В какой-то момент я ощутила пристальный взгляд слева, Дмитрий даже не пытался скрыть своего любопытства, рассматривал меня, щурился, да он даже на дорогу смотрел вполглаза.

— Вы решили меня убить?

— Да нет... Просто думаю, какого черта львицу затащило в супружество с котом? Вы же разные!

— Боже, и вы туда же! — я отмахнулась и начала строчить сообщения сначала Семёнову, а потом и своему лучшему другу, Яше Гальцеву, а он, между прочим, работает в прокуратуре. — Львица не станет нападать на льва из скуки, ей хочется быть под его защитой и просто следить за потомством. Это за пределами прайда она глотки перегрызает, а дома она жарит сырники и бьётся над идеальными яйцами пашот, чтобы быть не хуже инста-жён с их отвратительной идеальностью.

— Так и я про это, принцесса. Да на твоего блохастого достаточно один раз посмотреть, чтобы понять, что он подсикивает в перманентном режиме.

— Вот тебе это видно, ты и не вышел за него! — огрыз-

нулась я, но для проформы, внутри-то я уже давно признала своё поражение и дурной вкус на мужиков. — А я не увидела и вышла.

— И что, тебе папа не говорил, что от него материнским молоком за версту веет?

— Товарищ Монстр, я психологический анализ не заказывала!

— Ну, раз уж сегодня ты вторглась на мою, хоть и арендованную, но всё же собственность, то теперь придётся потерпеть.

— Да не собираюсь я больше никого терпеть. Вот у меня все вы где сидите, — я взорвалась, а Мостраков довольно закивал, будто нарочно доводил меня до этого состояния. — Вы же только задним умом умные и сообразительные. И не женитесь вы для того, чтобы не ошибиться. И в бизнесе вы если и рискуете, то неоправданно и бездумно.

— Боже, до вашего риска мне ещё как до Китая пешком! — прыснул смехом он и ускорился. — Это ж надо додуматься — штурмовать эвакуатор!

— А я всегда добиваюсь того, чего хочу! — меня бесило, что Семёнов не отвечает, поэтому я решила и набрала ему, но вызов он сбросил и лишь написал сообщение:

«Сделку перенесли! Я бегу, но у нас минут десять!»

— Аа-а-а-а-а!!! — заорала я, и этот грудной крик заполнил небольшой салон кабриолета вместе с моей лютой ненавистью к моему мужу. — Сделка через пять минут!

Засранец! И матушка его нарочно тянула время, задерживала меня, лишь бы я не успела! Что за гнилое семейство, что за придурки?

— И чего же ты, принцесса, хочешь сейчас? — вдруг Мостраков, пользуясь полупустым проспектом, утопил педаль газа в пол.

— Йоху! — визжала я, вбирая этот короткий момент скорости.

Дмитрий нагнулся, от густого облака его аромата защекотало в носу, кровь вскипела, уже унявшийся адреналин снова начал пульсировать в крови, накидывая варианты расправы над мужем.

Мостраков опустил все окна, и в салон ворвался резкий порыв ветра. Я охнула, задыхаясь от потока прохладного воздуха. Слезы обиды, которые я сдерживала, теперь сорвались, имея железобетонное алиби... Это просто ветер!

Казалось, что сейчас мне это и было нужно! Вибрирующий гул, полное обнуление и стук сердца в ушах.

Мостраков затормозил так же резко, как и ускорился, чем застал меня в очередной раз врасплох. Правда, он выставил руку, чтобы я лбом не приложилась о панель. Но это было не всё... Он вдруг притянул меня к себе и зашептал:

— Нет ничего слаще, чем вкус крови своего врага. Покажи им, девочка, кто тут папа... Вернее, мама!

— Боже, какая вдохновляющая речь. Для тимбилдинга тренировался? Так это уже прошлый век, Мостраков, — я

еле дышала, мне на миг вообще показалось, что я попала на психологический тренинг, где меня то натравливают на врага, то пытаются убить! А с другой стороны, это Монстр... Он даже стены крушит, чего ещё от него можно ожидать?

— А ты откуда знаешь? — Дмитрий каким-то образом умудрялся ещё и писать сообщения, поддерживая руль лишь коленкой.

— Ты что, правда думаешь, что только мужчины достойны занимать руководящие должности? Мы что, во времена крепостного права живём, где подсчет душ касался только мужчин, а баб вообще за людей не держали? — я не знаю, зачем я лезла на рожон, но это странное опьянение его зеленых глаз заставляло меня нести чушь...

Видела, что он меня провоцирует, а я ведусь, как идиотка полная.

— И чем занимаешь?

Дмитрий вдруг прищурился и так странно на меня посмотрел, что пальчики ног поджались, а следом покатилося тепло. Такой лёгкий огонёк, раздражающий все нервы. Я задёргалась, аж зубы застучали от напряжения. Вообще его компания губительна, она выбивает почву из-под ног!

— А что ты меня допрашиваешь, Мостраков? Лучше помоги сорвать сделку!

— Так ты вроде как топишь за самостоятельность. Определись! — вдруг Дмитрий свернул направо, да так резко, что я ещё сильнее к нему прижалась, уткнувшись носом в его

колючую шею.

— Монстр!

— Прибыли, принцесса! — прорычал Дмитрий, тормозя у центрального входа в банк. — Удачи...

— Значит, помогать не будешь? — я оттолкнулась от этого засранца и начала натягивать туфли. — Хотя не надо, я сама раскатаю его, как тузик грелку... Только бы успеть...

Я вбежала в банк и начала носиться по фойе, но тут было такое количество народу, что голова шла кругом! Чёрт, куда же мне бежать? В следующее мгновение вбежал и Семёнов, он подхватил меня за локоть и потащил по коридору. Тут была уйма стеклянных перегородок, за которыми сидели менеджеры.

Бежала на автомате и вдруг заметила, что синий кабриолет никуда не уехал... Мостраков стоял, прислонившись к капоту и смотрел прямо на меня. И опять эти зеленые глаза, опять это странное тепло, бегущее по позвоночнику, и предчувствие какой-то беды...

Стоп... Что-то знакомый кабриолет, а не он ли это был на ночной дороге под моим балконом?

— Вот они! — заорал Семёнов и ткнул на дальнюю кабинку, где на клиентском кресле сидел Степан.

И когда между нами осталось всего несколько метров, по залу банка прокатилось мощное:

— Всем оставаться на своих местах, работает ОМОН!!!

Я машинально обернулась к Мостракову, но заметила

лишь синюю бочину спорткара...

Глава 11

— Да ты чокнутая! — захрипел Семёнов, когда «маски-шоу» закончили досмотр правого крыла банка.

Мимо нас в сопровождении собак прошёл отряд спецназа, но команды вольно ещё никто не давал. Непонятно, что они искали, и нашли ли уже, но сотрудники ОМОНа были сильно злы, поэтому не торопились отпустить ни клиентов банка, ни его сотрудников.

— А я тут при чем? — ответила я и начала рыться в сумке, нарочно не замечая своего мужа, что перепуганным попугаем сидел в кресле и не шевелился, дабы не разозлить сотрудников правоохранительных органов.

Мы с Семёновым стояли у большого окна, довольно удобно устроившись на подоконнике. Отсюда и вид был шикарный, и кабинка нужного мне менеджера просматривалась идеально. А ещё меня грела мысль, что через полчаса банк закроется, а значит, ещё один день я выиграла.

— Милка, ты из меня дурака не делай, — Женька сложил на груди руки и хрипло рассмеялся, пуляя взгляды в Степу. — Гениальный способ сорвать сделку. Чёрт, я даже не подозревал, что ты способна на нечто подобное! Правда, есть один нюанс... А что если все поймут, чьих это рук дело?

— Семёнов, ты что, на осеннем солнце перегрелся? Или от страха перед старухой Онегиной поплыл? Я тут ни при

чём...

Но как бы я ни бравадила, совпадение было и правда пугающим. А ещё перед глазами то и дело вспыхивала картинка хитрого прищура Мостракова. Дмитрий так смотрел на меня, словно без единого слова обещал мне персональную бурю. И если это она, то мне даже нравится... Но неужели это сделал он?

— Милена, ты что тут делаешь? — Степан заметил, что сотрудников в нашем крыле не осталось, и быстро метнулся ко мне.

— А вы, Степан Онегин, с этого момента будете говорить только со мной, — Семёнов, то ли благодаря за незабываемое шоу, то ли в порыве стыда за разговор в кабинете, вдруг вышагнул вперед и встал между мной и мужем. — Меня зовут Евгений Семёнов, и я представитель Милены Онегиной, вашей будущей бывшей жены. Прошу ознакомиться, — Семёнов медленно расстегнул молнию своего портфеля и вручил Степе какой-то документ. — Это судебный иск в гражданский суд, тут требование раздела всего нажитого в барачном имуществе. Мы будем просить ревизию денежных средств, переведенных на имя ваших родственников, а также изучение необоснованных трат...

Степан читал полученные документы с открытым ртом. От его смелости и решительности не осталось и следа... Лоб покрылся мелкой испариной, руки задрожали, а губы начали синеть, а вот это уже признак настоящего стресса... Уж я-то

его знала отлично.

— Далее мы обратимся в полицию с заявлением на незаконное управление персональными данными. Нами установлено, что тридцать первого июля вы без разрешения моей клиентки заверили заявление электронной подписью и списали сумму с её банковского счета, — Семёнов не унимался, все подсовывая и подсовывая Степе документы. — Вы, товарищ Онегин, лгун и мошенник... Скажите, а вот машину ваш брат эвакуировал с какой целью? Неужели вы забыли, что транспортное средство записано не на вашу жену, а на её брата?

Боже, сейчас мне так хотелось смеяться... Смотрела в тупое лицо моего мужа, что решил поиграть в крутого мальчика. Он доверился своей мамашке, которая училась правилам бизнеса в девяностых, а в нулевых её выперли, как никому не нужный раритет. Идиот... Боже, какой он идиот!

Женька вдруг оттолкнулся и направился к бледному менеджеру, что растерянно слушал его пламенную речь.

— Уважаемый... Кирилл, — Женька наклонился, прочитал имя с бейджика и мило улыбнулся, чтобы попытаться сгладить шок первого знакомства. — Если вы оформите сделку, то боюсь, вас тоже будут ждать большие проблемы. Идём, Милена...

— Это ты? Это всё сделал ты? — захрипел Онегин и вдруг посмотрел куда-то мне за спину.

Я тоже обернулась и чуть не расхохоталась в голос, ко-

гда заметила, как по газону носится Динара Степановна. Она размахивала руками, пыталась оттолкнуть полицейских из оцепления, чтобы прорваться к своему сыночку.

— Онегин, а уже неважно, кто это сделал... Важно то, что натворил ты, трусливый подонок, — я сделала шаг и почти уткнулась носом в щеку своего мужа.

Вдох... Короткий, немного брезгливый. Мне вдруг захотелось понять, что именно меня в нем привлекало? Красивый, высокий, умный... Он был беспроблемным мужем. С ним было о чем поговорить, он с легкостью мог приготовить ужин, если я не успевала, с пониманием относился к моей занятости. Степа не гулял, с друзьями не зависал, пьяным не приходил... Тогда мне казалось, что это идеальный выбор!

Но вот сейчас, удерживая в носу запах его кожи, я кроме отвращения ничего не ощущала. Меня мучило, хотелось схватить его за волосы и бить головой о подоконник, чтобы показать, как это больно, когда родной и близкий человек предаёт тебя!

— Я заберу у тебя всё, — шепнула я и отправилась за Семёновым, что уже говорил с директором этого филиала. Женька махнул рукой, показывая, что здесь он разберётся сам, а мне можно идти, к тому же из банка уже стали отпускать, предусмотрительно фиксируя паспортные данные.

Я уходила с гордо поднятой головой. Лишь на секунду обернулась, с удовлетворением наблюдая, как Степа бьётся головой о стену. Запоздалое осознание тоже осознание,

правда, уже бессмысленное и бесполезное.

И ему сейчас больно не из-за унижения, а от того, что он меня слишком хорошо знает, чтобы надеяться, что я отступлю.

Караулить Семенова и уж контролировать его работу, тем более смысла никакого не было, поэтому я вышла, смешавшись с суетливой толпой. Когда я прыгнула в такси, в сумке ожил телефон.

— Да, Тишка, — вздохнула я, пытаюсь немного очухаться. Назвала водителю адрес фирмы и откинулась на сиденье, закрыв глаза.

— Мил, а что происходит? Почему мне пришло уведомление, что моя, вернее, твоя машина эвакуирована? — брат хохотал, даже не пытаюсь говорить серьезно.

— Ой, Тиша, кажется, я по уши в дерьме...

Мне пришлось рассказать своему старшему брату и про соседа, и про ту дверь, и про развод, а вот сцену моего катания верхом на эвакуаторе я повторила трижды, потому что Тихон просто не верил своим ушам. К слову, не верил не только он, таксист даже музыку выключил, внимательно поглядывал в зеркало заднего вида, пытаюсь понять, не вру ли я... Ну а к третьему кругу повести он и вовсе расхохотался синхронно с Тишей.

— Ладно, систер, не переживай, я со всем разберусь. Мои парни машину пригонят вечером. Чем там твоему Семёнову нужно помочь, чтобы Онегин небо в клеточку увидел?

— Я Гальцеву написала, но он не ответил. Ты можешь достать видео с городских камер? Одним из сотрудников ГАИ, эвакуирующих мою машину, был брат Онегина. Я припарковалась у торгового центра, там нет запрещающих знаков, а значит, это преступный сговор. Я от их семейки гнилой и пенька не оставлю...

— Хорошо, я наберу Яшке, — снова рассмеялся Тихон.

— Ещё что?

— Ну и приезжай завтра вечером, отпразднуем мой развод. Я снова стану Диковой и забуду о своей неудачной попытке выйти замуж.

— Милка, вот с детства тебя учили! Слушаться надо родителей, особенно папеньку. У него же нюх на придурков ещё с прокурорских времён!

— Согласна...

В офис я бежала сначала для того, чтобы прижать генерального и заставить его уволить Степку, но чем ближе была приемная, тем отчетливее я понимала, что сюда я больше уже никогда не вернусь.

— Милена Львовна? — вскочила длинноногая секретарша, наивно полагая, что сможет меня остановить.

Но как бы не так... Я вбежала в кабинет и застыла прямо перед столом опешившего от моей наглости Дятлова.

— Сергей Сергеевич, прошу прощения. Кстати, это новые договоры, подписать нужно, — я достала из сумки папку с документами и передала её директору. — То, что меня муж

бросил, я так понимаю, вам уже донесли?

Я обернулась к секретарше, а та побледнела и поспешила покинуть кабинет.

— Тогда я дополню рассказ... Он решил кинуть меня и повесить на меня кредит на дом, о котором мечтает его матушка. А ещё сегодня у меня эвакуировали машину, чтобы я сделку не сорвала. Но я всё равно получила то, что хотела... Я всегда это получаю!

— Милена Львовна, чего вы хотите? — Дятлов напрягся и усмехнулся, согласно закивав головой.

— Вы уволите Онегина? — задала я самый важный вопрос, от которого зависит куда больше, чем он думает.

— Милена, дорогая ты моя! Ты же знаешь, что найти толкового проектировщика... — Дятлов поднялся и завел шарманку о ценности кадров, при этом говорил он в снисходительном, даже немного отцовском тоне, чем взбесил ещё больше.

— Всё понятно. Я увольняюсь, и это не шантаж, а факт, — прервала я его поучительный монолог. — Список годных на мою должность кандидатов пришлю по почте. И к батюшке, что ли, сходите, помолитесь за свою конторку...

Глава 12

Чтобы начать менять жизнь, порой нужен толчок. Здесь недостаточно созидательной, светлой и доброй энергии, это скорее отличная почва для того, чтобы все оставить как есть.... А что? Дом, муж, работа, достаток — разве это не повод не роптать и довольствоваться тем, что уже есть?

А вот как только с тобой случается нечто отвратительное, жизнь дает резкий крен, и с носа слетают розовые очки. Тебе дарится короткий промежуток времени, за который ты умудряешься увидеть свою жизнь такой, какая она есть! А ещё это отличный повод, чтобы что-то изменить...

Я два дня носила в себе эту идею. Да я так глубоко в ней залипла, что всё отошло на второй план. Тихон сдержал своё слово, и машину мне вернули тем же вечером, но я не испытала радости. Войдя в ЗАГС, я даже не смотрела на понурого Онегина, лишь поставила подпись, навсегда прощаясь с чужой фамилией... И даже когда Семёнов предложил посодействовать в ускоренной смене документов, я была безропотно безразлична...

Не потому что меня сломали, нет... Я аккумулировала жизненные силы и анализировала то, что собиралась сделать. А что именно, я поняла, лишь когда очнулась в своей гардеробной среди вороха одежды и трёх укомплектованных чемоданов.

— Ты точно хочешь забрать у него машину? — хохотал Семёнов в трубку, попутно шелестя бумажками.

— Жень, я хочу забрать все, до чего дотянется моя рука и твоя профессиональная хватка. Я не жадная, просто эти меркантильные твари понимают только язык ущерба. Ты понимаешь, что если бы не цепочка случайных совпадений, я бы никогда не узнала об их афере? — я закрыла гардеробную и отправилась на кухню, попутно рассматривая свою квартиру, по которой буду скучать.

— Знаешь, Милка, почему мужики не женятся? Из-за таких, как ты! — друг веселился, а мне даже обидно не было.

— А правильно, Семёнов... Таким, как Онегин, запрещено семьи заводить. Их бы стерилизовать, и в дурку. Нет, ну разве не идиот?

— Согласен, Дикова... Сейчас уже можно тебя так называть?

— Можно, — я бросила взгляд на новенький паспорт, полученный буквально пару часов назад. — Уже можно...

— Снимай кольцо, Милка, и отправляйся в клуб. Выпей, потанцуй, расслабься, — Женька вдруг переключился на покровительственный тон. — Красивая ты баба, Дикова. А я такой болван, что упустил тебя много лет назад.

— Семёнов, очнись, и не дразни себя иллюзиями. Ты бы давно без трусов остался, потому что я тебе не Зина, терпеть бы твои загулы не стала, — я устроилась на диванчике у распахнутой двери балкона и сделала глоток кофе.

— И то верно... И так? Ты привезла мне доверенность, по которой я могу от твоего имени даже на Марс сгонять, а это значит, что Милка что-то задумала. Колись, подруга.

— Я уезжаю, — впервые произнесла это вслух и прищурилась, смакуя смысл слов. — Дятлова я послала, вторую контору в переходный период буду контролировать удаленно, пока они не найдут замену. Не хочу я тут быть... Понимаешь?

— Мил, только не говори, что ты бежишь от Онегина!

— Нет, Жень, я бегу к чему-то новому... Мне в том году предлагали шикарную должность, — я ударила по клавишам ноутбука, и на экране вспыхнула страница объявлений. Оказалось, что в столице жуткая нехватка опытных специалистов своего дела. — А я отказалась, чтобы не травмировать Стёпу, ведь у него на носу был важный проект! А сейчас меня ничто не держит... Вернуться домой я всегда успею, уверена, что и Дятлов меня примет с распростёртыми объятиями.

— Мил, а знаешь, почему мы не вместе? — снова усмехнулся Женька.

— Мы же уже выяснили! Ты не в моём вкусе.

— Нет, Милка, раз уж ты влюбилась в своего Онегина, то меня бы ты полюбила как миленького. Я просто струсил, — вдруг признался Семенов, и в трубке повисла тишина. — С тобой невозможно конкурировать, ты всегда первая. Ты достигаешь одну цель и уже прёшь к следующей. И делаешь ты

это играючи, почти не напрягаясь! Тебе, Дикова, не мужик нужен, а бульдозер, — подытожил Женька, не скрываясь в голосе горечи. — Он будет рыть котлован, а ты идти за ним, освещая эту планету своим великолепием. Ты будешь злиться, но мне даже жаль Онегина, я видел его вчера в отделении полиции, на него невозможно смотреть!

— Семёнов, если я узнаю, что ты пожалел этого мудака, вернусь из Москвы и прикончу твою конторку, — я рассмеялась, принимая каждое его слово как комплимент.

— Ладно, пойду я грызть землю и доламывать твоего бывшего... Удачи!

Семёнов отключился, а я продолжила улыбаться. И вдруг на экране всплыло уведомление о новом электронном письме.

Внутри всё сжалось, я с трясущимися руками, как школьница на экзамене, открыла почту. Да я даже зажмурилась на мгновение, пытаюсь усмирить свою тревогу... Нет, это я тут суперзвезда, а в столице таких, как я, лопают за обедом.

Быть может, Тиша прав? Лучше быть звездой в небольшом городе, чем одной из серой массы, но зато в столице? У меня нет жилья, нет друзей, а чтобы добраться на машине, за рулём придётся провести сутки, не меньше!

Но азарт был куда сильнее, чем моя неуверенность, поэтому я распахнула веки и начала листать ленту уведомлений.

За утренней чашкой кофе я умудрилась разослать своё резюме в крупнейшие предприятия. Да, глупо, и даже немного

самонадеянно, но иначе я не могла. И вот она моя награда... Почти на все запросы я получила ответы! И их оказалось так много, что глаза разбежались. Пролистывала то, что отметила запасными вариантами, открывала самые привлекательные, пока взгляд не зацепился за нечто шокирующее:

«Уважаемая Милена Львовна, мы ознакомились с вашим резюме. Хотелось бы провести собеседование очно, потому как пока неясно, как человек со столь скромным опытом может...»

Больше я не читала... Что? Это у меня скромный опыт? Они вообще читать-то умеют? Я им выслала десять рекомендательных писем, включая хвалебные отзывы из администрации города и области. Я участвовала в самых больших проектах, параллельно вела дела четырёх кампаний, и более чем успешно. Да главный металлург области до сих пор слезы льет, узнав, что я уезжаю... А они мне говорят, что опыт у меня скромный?

А не пошли бы они? Хотя нет...

— Кто этот бессмертный придурок? — я пролистнула письмо до конца.

«...с уважением, Соколовский Даниил Сергеевич, начальник отдела персонала корпорации «МДС-групп»».

— Мало уважения вы проявили, уважаемый Соколовский, — зашипела я и бросилась собирать информацию по этой корпорации. — Очень мало уважения! Считайте, что вы бросили мне команду «ФАС»!

Я понимала, что веду себя как истеричка, которая получила неловкий отказ, и теперь готова на всё, лишь доказать им, что если кто-то и нужен, то это я!

Корпорация «МДС-групп» оказалась жирной рыбкой в бурном океане бизнеса нашей страны. Она включала в себя и металлургию, и горную добычу, её след тянулся вплоть до ювелирки и покупки старых аэропортов под госпрограмму по их реконструкции. Корпорация огромная, акционеров много, при этом из-за обширности сфер их имена превращались в бесконечное полотно фамилий. А вот это уже интересно... Знала я эту фишка – раздроби, чтобы скрыть главного игрока. В силу сложной геополитической обстановки вести дела с западным миром стало сложно. Неверный шаг, и ты под санкциями, поэтому наши бизнесмены мастерски научились прятать свои имена.

— Чёрт подери, — присвистнула я, пролистывая всё, то входило в состав этой корпорации. — Глупцы... Вы даже не понимаете, насколько сильно нуждаетесь во мне!

А дальше туман... Бронирование билетов и гостиницы недалеко от головного офиса «МДС-групп».

— Держитесь, к вам едет ревизор!

Глава 13

— Дочь, я ничего не понимаю! — отец почти никогда не кричал на меня, но сейчас, как только я включила телефон после посадки самолёта, его голос звенел в динамике, как иерихонская труба. — Приезжаю, а тебя нет!

— Папуль, успокойся, — я кое-как взгромоздила первый чемодан на багажную тележку и выдохнула в ожидании следующего.

Конвейер шуршал, пассажиры толкались, словно если первыми не заполучат свой багаж, то выходы из аэропорта заблокируют навсегда. Я присела на свой чемодан, внезапно осознав, насколько опрометчиво поступила. На кой черт я притащила четыре чемодана? Откуда такая уверенность, что у меня всё получится?

— Милена! Ты почему молчишь? — взвыл отец, вырывая меня из раздумий.

— Пап, ты прости, я забыла тебе сообщить, но я улетила в Москву. Меня внезапно пригласили на собеседование, — скрестила пальцы, как делала всегда, когда приходилось врать отцу. Знать ему о том, что дочь уволилась с работ и отчалила в никуда, необязательно.

— Мила, что-то ты темнишь! Я же сказал, что разберусь со всем, как только вернусь... Приезжаю и узнаю, что ты уже развелась, сменила фамилию и уехала. И когда ты собира-

лась рассказать, что Онегины попытались тебя облапошить? — отец не просто кричал, он ревел, как раненый зверь, я слышала его тяжелые шаги, и ходил он, очевидно, по моей квартире. — Едрить колотить!

Вдруг голос отца стих сразу после тихого дверного скрипа... Очевидно, папа вошёл в спальню и увидел масштаб катастрофы.

— А чего она открытая-то? Марат сказал, что заколотил её насмерть!

— А я говорила, твой Монстраков настоящий МОНСТР! Он вынес эту дверь, как пушинку с плеча сдул, — я заметила свой второй чемодан и сдернула его с конвейера. — Пап, сделай с этой дырой что-нибудь!

— Боже, Милка, вот это хоромы академика, — отец при- свистнул, очевидно, заглянув в квартиру Мостракова. — Слушай, а он случайно не планирует продавать квартирку? На кой она ему, если он в Питере живёт?

— Пап, меня этот варвар в свои планы не посвящал. Короче, ключи от квартиры в моем почтовом ящике. Я на самолет опаздывала, можешь проверить? Ну и заложите вы эту стену, умоляю! Там на комодке его визитка, можешь сам с ним связаться и выставить счёт?

— Хороша квартирка... Заодно ему удочку о продаже закину.

— Папуль, кидай что хочешь, мне это неинтересно. Так, я получила багаж, позвоню завтра. А ты езжай домой, ложись

спать.

— Мил, у тебя все хорошо? — папа перешел на шепот. — Ты так экстренно сорвалась... Дочь, вернись домой!

— Папуль, всё будет хорошо. Вот увидишь.

— Ой, Милка, — вздохнул папа. — Ты знаешь, я думал, что отцы гордятся в первую очередь сыновьями. Ну, такими уж нас создала природа. Но я даже поверить не мог, что буду неистово гордиться своей девочкой. Точку ты поставила, когда пришла и заявила, что побежишь марафон в пятьдесят километров. Все говорили, что ты чокнутая, а бегуны — больные на голову люди. А ты что мне сказала, помнишь?

— Нет, — я впервые за этот день рассмеялась и прикрыла глаза.

— Ты сказала, что марафон — это попытка преодолеть себя. Так поступали Королёв, Курчатов и многие другие, глядя на которых тоже крутили пальцем у виска, — папа окончательно расхохотался. Забывая и о тревоге, и о страхе за свою дочь. — И тогда я подумал, ну если моя дочь сравнивает себя с Королёвым, то кто я такой, чтобы ей не верить?

— И поверил? — этот вопрос сам вылетел изо рта, я понимала, что он глупый, ведь родители всегда верят в своих детей.

— Естественно! Тихон сошёл на дистанции в пятнадцать километров, а ты пересекла финиш. На кого мне ещё делать ставку?

— Спасибо, пап...

— Дерзай, дочь!

Пока ехала в такси, всё крутила слова папы и глазела по сторонам, как перепуганный кролик. Нет, наш город тоже был красив своими узкими улочками, невысокими историческими зданиями, старой брусчаткой в центре и уютными аллеями. А столица — она другая... Современная, яркая, бессонная... Скольких она сломала? А скольким дала билет в будущее? Щедрая, но безжалостная.

Выйдя из такси у центрального входа гостиницы, я ждала, когда водитель справится с моим багажом, и случайно зацепилась взглядом об огромную вывеску... Всего три буквы, а по коже мурашки побежали.

«МДС»... Зря вы так со мной. Зря!

Как ни странно, но стоило мне добраться до номера, я тут же рухнула в кровать и вырубилась так резко, словно неведомый генератор энергии дал сбой и вышиб все предохранители.

Но зато утром я была преисполнена энергией и желанием получить то, чего очень хотела! А хотела я попасть в «МДС», как бы этот Соколовский не был против.

После контрастного душа я быстро привела себя в порядок, надела самый лучший из имеющихся костюмов, а после устроилась за туалетным столиком, раскрыла ноутбук и, как только часы пробили начало рабочего дня, я как пионер ткнула в экран телефона, где уже заранее был набран номер.

Боже, как многое я хотела ему сказать... И о его глупости,

и о том, что подобными дежурными отписками они теряют стоящие кадры. А ещё я была очень зла, потому что никогда до этого не получала отказа, хоть и припрятанного в вежливую обёртку.

Но если честно, я уже люто ненавидела этого Соколовского!

Считала гудки, медленно стервенея от ожидания. Каждая секунда казалась вечностью, а ещё меня раздражало, что люди пренебрегают началом рабочего дня. Но сдаваться я не умела, поэтому решила дозваниваться по пути...

Бросила документы, резюме и ноутбук в сумку, а после вышла из номера, продолжая слушать гудки.

Трубку не брали ни когда я выбежала из отеля, ни когда я уже перешла по светофору оживленный перекрёсток, а когда я вошла через парадный вход корпорации, сбросила вызов и подлетела к стойке администратора.

Если бы не мой воинственный настрой, я бы сначала осмотрелась. Даже холл корпорации был невероятно красив. Монументальные колонны, блики стекла, хром и туча красивых женщин, что походкой ленивых гепардиц вышагивали по мрамору. Здесь не было суеты, по-столичному вылизанные мужчины тихо переговаривались, шуршали бумажками и совершенно не замечали никого вокруг. Они муравьями рассредотачивались по прозрачным лифтам, следуя куда-то вверх...

— Чёрт подери! — я чуть не взвизгнула от восторга, но

благо вовремя прикусила язык. Я вкинула голову, утыкаясь взглядом в прозрачный купол потолка. Вот это размах... Вот то, о чем я мечтала!

И чем дольше я пялилась туда, тем отчетливее становилась мысль во что бы то ни стало получить эту должность. Да, будь я дома, за полдня бы уже собрала справки и вышла на генерального директора, но в столице я никого не знаю, поэтому придётся импровизировать.

— Здравствуйте, добро пожаловать в «МДС-групп», чем могу помочь? — блондинка наконец-то закончила телефонный разговор и поднялась, слепя меня белоснежным осколом.

— Здравствуйте, меня зовут Дикова Милена Львовна, мне назначено к Соколовскому Даниилу Сергеевичу, — врала напрапалую, отвечая улыбкой на улыбку.

Блондинка явно была удивлена, опустилась в кресло и начала клацать ноготками по клавиатуре компьютера.

— Боюсь, произошла какая-то ошибка... У Даниила Сергеевича сейчас совещание, он не мог назначить на это время, — блондинка схватила телефонную трубку и уже собралась куда-то звонить, но я вовремя перехватила это движение.

— Отлично, Алиса, — я перегнулась через стойку, прочитала её имя с бейджа и широко улыбнулась. — Меня как раз ждут на этом совещании. Я из администрации президента, и теперь, Алиса, все зависит только от вас...

Чёрт! Ну почему я брякнула про администрацию прези-

дента? Блондинка побледнела, вскочила с кресла и вытянулась в струну. С нее достаточно было и мэри...

— Алиса, выручите товарища Соколовского? Проводите меня на совещание?

Алиса быстро закивала, дала какой-то знак, и на её место присела другая, но тоже блондинистая девушка. Это что, у них такой приветственный дресс-код?

Чтобы не дать Алисе включить критическое мышление, и уж тем более не позволить врубить логику, я начала её забалтывать, делать кучу комплиментов ровно до момента, пока мы не оказались у стеклянных дверей приёмной.

Конференцзал находился под самым куполом. Сквозь матовое стекло солнце разливалось по паутине кабинетов, отражаясь от серебряных табличек с именами директоров. А то, что здесь обитают верхушки, не вызывало никакого сомнения, у меня на эту гнетущую атмосферу чуйка.

— Алиса, спасибо, дальше я сама... — я толкнула дверь, буквально врываясь в конференц-зал.

Но даже моя воинственность не смогла приглушить шок от увиденного...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.